

Василий (Преображенский),
епископ Кинешемский

Духовное восхождение

*Избранные советы
и наставления*

Москва
ООО «Духовное преображение»
2021

ББК 86.372
В 19

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской
Православной Церкви
ИС Р21-044-3511

Василий (Преображенский), еп. Кинешемский.
В 19 **Духовное восхождение.** Избранные советы и наставления. — М.: ООО «Духовное преображение». — 2021. — 128 с.

ISBN 978-5-00059-436-0

Исповедник веры Христовой Василий (Преображенский), епископ Кинешемский (1876–1945), подвижник, миссионер, яркий проповедник, в годы гонений на Церковь обративший сердца множества людей ко Христу, знаком читателям в первую очередь по главному труду своей жизни — «Беседы на Евангелие от Марка». Эта замечательная книга — своеобразный учебник основ духовной жизни для всякого христианина в наши дни. Выразительным и эмоциональным языком автор просто и доступно изъясняет глубочайшие истины православной веры и благочестия. В брошюру «Духовное восхождение» вошли избранные советы и наставления из «Бесед на Евангелие от Марка».

ИЗБРАННЫЕ СОВЕТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ

Духовная сила

Обаяние личности Господа Иисуса Христа, та духовная сила, которая неотразимо привлекает к Нему сердца чистых и честных людей, громадна.

Мы не ставим здесь вопроса, в чем секрет этой силы. Для нас драгоценно другое замечание Спасителя, где он обещает Своим последователям, что каждый из них может приобрести эту духовную силу. *Верующий в Меня, — говорит Он, — дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Какое великое обетование! Иметь силу, какую имел Христос! Силу, которой не выдерживают и страшатся демоны! Бороться с ними и побеждать, очищая свою жизнь и свою душу от их ядовитого, тлетворного влияния, постоянно омрачающего путь к совершенству! Более того: привлекать и других людей к Господу Иисусу Христу, делать и других участниками вечного блаженства! Разве это не великая радость и счастье?

Но как приобрести эту силу? Строго говоря, все учение Господа Иисуса Христа является ответом на этот вопрос. Евангелие в последовательных повествованиях вскрывает перед нами тот длинный и трудный путь, которым должен пройти верующий, чтобы исполнить завет Христа: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Великая духовная сила, которую Господь обещает верным Своим ученикам, приобретается лишь в конце того пути, на высших ступенях совершенства. Но первую ступень, первый шаг, который должен для этого сделать человек, совершенно определенно отмечают слова данного отрывка: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Этим начинается проповедь Спасителя. Об этом же проповедовал Его великий Предтеча. С этого должен начинать всякий человек, вверивший себя руководству Господа Иисуса Христа.

Как первый шаг и как обязательное условие возможности совершенствования требуются два усилия воли: 1) *покайтесь!* и 2) *веруйте в Евангелие!*

Мы знаем, что покаяние в глубоком смысле этого слова не есть простое сокрушение о грехах или отвращение к своему греховному прошлому, еще менее означает оно формальную исповедь — смысл слова гораздо глубже. Это решительный перевод жизни на новые рельсы,

полная перестановка всех ценностей в душе и сердце, где при обычных условиях на первом месте стоят мирские заботы и цели временной, преимущественно материальной жизни, а все высокое и святое, все, что связано с верой в Бога и служением Ему, оттеснено на задний план. Человек не отказывается совсем от этих высоких идеалов, но вспоминает о них и служит им украдкой, боязливо, в редкие минуты духовного просветления. Покаяние предполагает коренную перестановку: на первом плане всегда, везде, во всем — Бог; позади, после всего — мир и его требования, если только их нельзя совершенно выбросить вон из сердца. Говоря иначе, покаяние требует создания нового, единого центра в человеке, и этим центром, куда сходятся все нити жизни, должен быть Бог.

Когда человек сумеет спаять все свои мысли, чувства и решения с этим единым центром, тогда из этого и создастся та цельность, монолитность души, которая дает громадную духовную силу. Кроме того, человек с таким устройением ищет исполнения только воли Божией и в конце концов может достигнуть полного подчинения или слияния своей слабой человеческой воли со всемогущей волей Творца, и тогда сила его вырастает до Божественной силы чудотворений, ибо тогда действует не он, но в нем действует Бог.

Таков в общих чертах процесс развития духовной силы в человеке.

Отчего апостолы могли получить эту силу чудотворений и обаяния личности и проповеди, сделавшую их могучими и искусными ловцами человеков (см. Мк. 1, 17)? Именно потому, что единым, всеобъемлющим центром для них был Бог, и Его волю исполняли они как высший закон жизни. Интересно вдуматься в историю их призвания. Одно слово Господа, один призыв: *идите за Мною!* — и все забыто и брошено: лодка, сети, весь скудный инвентарь рыбацкого ремесла, даже отец... Ясно, что для этих людей Бог был дороже всего в жизни, и когда Его воля звучала призывом, ничто не могло их остановить. Кто умеет с такой готовностью откликнуться на Божий зов, тот пойдет далеко; и кто может так полно, так цельно, без сомнений и колебаний отдать-ся воле Божией, тот, несомненно, получит от Господа великие дары и великую духовную силу.

Следует сознаться, что в настоящее время таких цельных людей, полных глубокой веры и духовной силы, чрезвычайно мало. Когда оглядываешься на свою жизнь и на жизнь современного общества, с грустью видишь, что не вера двигает нами и не Бог является для нас центром. Мы подменили этот великий животворный центр другими.

Не сотвори себе кумира

У немецкого философа Ницше изображен сумасшедший, который с диким блуждающим взором бежит по городу и, задыхаясь, кричит: «Мы Бога убили...» Конечно, это неправда. Ни веру в Бога, ни религиозную идею вообще в человечестве убить невозможно. Но ее можно в значительной степени подменить. Вытравить из души религиозное чувство совершенно нельзя, но ему можно дать ложное, одностороннее направление. Человек часто пытается заменить Бога чем-нибудь другим.

Это сделано уже в первом грехопадении. Искушенный человек свою волю поставил на место воли Божией, поставил себя выше и захотел обоготворить себя... через знание. С тех пор люди постоянно подменяют Бога. Чаще всего подменяют кумирами своих страстей. Они служат похоти, алчности, гордости, самолюбию, тщеславию, любостяжанию и так далее. Невозможно перечислить все те кумиры, которым люди поклоняются вместо того, чтобы служить единому истинному Богу.

И как бы предвидя это, Синайское законодательство, данное Богом Моисею, во второй своей заповеди гласит: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4—5). Эта

заповедь запрещает всякую страсть, которая может стать кумиром и затмить Бога. Иначе говоря, ею запрещается всякий другой центр, придуманный человеком вместо Бога.

Человеческие центры, которым люди поклоняются и которым служат, вносят разьединение в человечество. Многие из них, особенно центры низшего порядка, как, например, богатство, нажива, сластолюбие, тщеславие, ведут к открытой и неизбежной вражде. Другие, может быть, и не вызывают явной вражды, но все-таки людей не объединяют и объединить не могут. В конце концов, все они слишком мелки и ничтожны, чтобы удовлетворить, захватить и объединить всех. У каждого человека свои вкусы, свои страсти, свои цели. Сколько голов, столько и умов. Один любит науку, другой предпочитает поэзию, третий избирает живопись. Ясно, что при разнообразии этих целей люди пойдут различными путями и осуществить единение между ними очень трудно. А между тем единение это необходимо для человеческого счастья, для мира и согласия в жизни, для общей борьбы со злом и победы над ним.

Кроме того, все эти кумиры, изобретенные человеком, не дают ему полного удовлетворения. Ими можно увлекаться, им можно поклоняться, за ними можно гоняться, но жить ими нельзя. Истинной жизни в них нет.

Все человеческие кумиры, которые могут служить для человека центрами жизни, можно разбить на три категории.

Первая группа — самых грубых, самых низменных страстей: чревоугодия, сладострастия, лени, пьянства и т. п. Даже из этих страстей люди нередко делают себе кумиры и отдают им всю жизнь и все силы. Страсти этого рода человека удовлетворить ни в коем случае не могут. Они могут дать минутное наслаждение, довести до опьянения, но в конце концов действуют разрушительно не только на духовную природу человека, но и на его организм. И тяжелыми недугами, мучительными болезнями приходится расплачиваться за годы, проведенные в грязных наслаждениях.

Страсть неутолима. Развиваясь, она требует все новых, более сильных, более утонченных наслаждений. А между тем тело изнашивается, становится все менее восприимчивым и уже неспособно давать ощущения требуемой силы. Начинается жестокий разлад между палящими желаниями страсти и невозможностью их удовлетворения. Тогда страсть только жжет и мучит человека, но наслаждений уже не дает.

Кумиры второй группы — обычные страсти нашего времени: любостяжание, честолюбие, славолубие, властолюбие и т. д. Их главное зло в том, что они разъединяют людей, неизбежно приводя к вражде и ненависти. Те так называе-

мые блага жизни, к обладанию которыми стремятся эти страсти — богатство, власть и т. д., — поделить поровну между всеми людьми невозможно. Начинается ожесточенная борьба всех против всех за обладание ими, и ненависть, рожденная борьбою, отравляет даже успехи победителей. Человек не может спокойно наслаждаться результатами достигнутых побед, ибо он чувствует, что зависть и злоба побежденных противников подстерегает его везде, что она только подавлена и скрыта, но не убита. Кроме того, и здесь действует обычный закон страсти: чем больше она растет, тем меньше находит способов и средств удовлетворения, которое здесь зависит от внешних условий, нам неподвластных.

Третью группу составляют кумиры высшего разряда: искусство, наука, благотворительность, общественная деятельность и т. п. Служение человека этим кумирам кажется бескорыстным, хотя в действительности к нему часто примешиваются славолубие и тщеславие. Кроме того, они не ведут ко вражде, по крайней мере непосредственно, ибо поле деятельности здесь безгранично. В современном обществе уровень нравственных идеалов до того понизился, что жизнь, посвященная кумирам этой группы, считается чуть ли не верхом совершенства и добродетели. Подвижники науки, корифеи искусства у нас ценятся, безусловно,

выше скромных подвижников христианства. И тем не менее при самом искреннем и бескорыстном служении этим кумирам полного удовлетворения и счастья человеку они не дают и дать не могут.

Прежде всего, они представляют лишь частичное удовлетворение потребностей человека: в науке находит удовлетворение ум, в искусстве — чувство и т. д. Остальные стороны души остаются без удовлетворения. В религии человек захватывается гораздо полнее, ибо она удовлетворяет все потребности. Никогда нельзя ни науку, ни искусство любить так безраздельно, так глубоко, как можно любить Бога.

Искусство процветает и дает удовлетворение человеку в том лишь случае, если оно связано или непосредственно с религией и служит ее целям, или с одной из форм выражения религиозной потребности — служением истине, добру и красоте.

Вслед за искусством и наукой и все формы общественной деятельности оживают и дают человеку наивысшее удовлетворение только в связи с религией. А если так, то какой смысл подменять идею Бога человеческими кумирами? Если эти кумиры высшего порядка, они не дают полного и всестороннего удовлетворения, если низшего, то они только разрушают жизнь и вредят человеку.

Дурман славы

Доброделание в христианстве должно быть скромно, а духовная, внутренняя жизнь окружена тайной, непроницаемой для людей и открытой только Богу. Только тогда Господь благословляет внутреннее делание успехом и дает плод духовной жизни. Духовные силы, выношенные и развернувшиеся в тайниках души, становятся тогда настолько могущественными, что сами собой проявляются вовне, и скрыть их от других становится уже невозможным. *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 4).

Почему так? Почему духовная жизнь, открытая для других, оскудевает неизбежно и не приносит ни плода, ни награды?

Прежде всего потому, что Бог, Который Один должен быть центром духовной жизни, в этом случае легко может быть подменен и действительно почти всегда подменяется каким-нибудь кумиром, чаще всего кумиром тщеславия и славолюбия, а это уже ослабляет духовную силу человека. Когда человек делает свои дела напоказ, чтобы прославляли его люди, он уже, строго говоря, перестает думать о Боге и служить Ему одному. Он служит тогда себе, своей гордости, своему самолюбию. Но, служа себе, он и не вправе требовать награды от Бога, ибо то, что ему надо — славу и похвалу, он уже получает как награду от людей.

Если даже, начиная служить Богу, человек вполне честен в своих намерениях и совершенно не заботится о собственной славе и похвале от людей, но искренно ищет только славы Божией, тем не менее и в этом случае фимиами мирской славы туманит голову, рукоплескания толпы возбуждают к ним вкус и тщеславную любовь, и, сам почти не замечая того, человек начинает их желать и искать, все время пытаюсь уверить себя, что он служит только Богу. Нужны большое нравственное мужество и устойчивость воли, чтобы не поддаться соблазну и оттолкнуть от себя эту славу мира сего, которая назойливо преследует тех, кто от нее бежит.

Особенно следует это помнить молодым и неопытным, но горячим и увлекающимся людям, вступившим на путь служения Богу. На первых порах ничем так не искушает их диавол, как дурманом славы. Молодость, необыкновенность явления, особенно в наше время, когда среди молодежи почти иссякла и сама вера в Бога, ревность к подвигу, еще не умеренная опытом, успехи первых порывов — все это невольно возбуждает и привлекает внимание толпы. За вниманием следует одобрение, уважение, почтение, порой преклонение, и под гипнозом такого отношения юный служитель Божий, самый искренний и скромный, начинает невольно чувствовать себя каким-то не-

обыкновенным героем, который стоит выше толпы. Рождается гордость, которая услаждается достигнутым почетом и уже начинает искать и требовать его как должную дань уважения к своим высоким качествам, которых в действительности еще и нет. Людской молве соблазнительно легко поверить и вообразить себя достойным похвал, забывая, что толпа обыкновенно является самым плохим ценителем нравственных качеств и достигнутой высоты души. Потом наступает момент, когда пробудившаяся жажда славы и людского почета уже перестает удовлетворяться достигнутыми результатами. Начинает казаться, что уважение толпы слабеет, слава идет под уклон, общее внимание уже не возбуждается. Тогда человек сам бежит за славой, стараясь остановить ее закат, и в этой погоне забывает чистое служение Богу, уже не заповеди и не волю Божию ставит законом своей жизни, но подделывается под вкусы толпы, чтобы сорвать хотя бы минутный взрыв рукоплесканий, опьяняющее наслаждение, которые стали уже привычкой, пускается в фокусничество, иногда в чистое шарлатанство. Сколько крупных нравственных сил, сколько горячих искренних порывов погибло таким образом! Сколько обманщиков и шарлатанов выработалось вместо подвижников чистого христианства! О, диавол хорошо знает силу этого соблазна, и, вероятно, нет ни

одного честного служителя Божия, которого он не провел бы через огонь этого испытания.

Служение Богу

Служение Господу должно быть безукоризненно чисто. Чисто должно быть и побуждение к нему. Таким чистым побуждением является любовь к Богу, и никакая посторонняя примесь, особенно если в ней есть грязь эгоизма и гордости, не может быть здесь допущена. Ради собственной любви к Богу и ради того, чтобы приобрести взаимно благоволение Божие, трудились святые подвижники. Но когда человек, служа Богу, стремится этим путем достигнуть личной выгоды или славы, тогда ценность его служения или уменьшается, или сводится к нулю, в зависимости от количества эгоистической примеси. Награда служения, которая в первую очередь получается в форме новых духовных дарований или роста духовной силы, может быть достигнута. Поэтому необходимо все время строго и зорко следить, чтобы ничто в духовной жизни не делалось из-за посторонних побуждений и чтобы червячок тщеславия, который прекрасно умеет прятаться за внешне благовидными предложениями и софизмами, не заполз в душу; иначе он легко разовьется в змею, которая высосет все духовные силы. Вот почему святые отцы так остерегались

в своей жизни даже случайного любопытного постороннего взгляда и окружали свой подвиг глубокой тайной.

Любовь к Богу

Любовь к Богу требует внутреннего одиночества, внутреннего отчуждения от людей, от мира. «Хочу быть только с Богом! И никто более мне не нужен!» — таково желание растущей и развивающейся любви. На известных ступенях она становится ревливой и исключительной. Люди уходили в пустыни, лесные чащобы, на необитаемые острова, прятались в недоступных горных ущельях и пропастях с единственной целью — быть только с Богом, наслаждаться полным единением с Ним, не смущаемым человеческим шумом и суетой. Искренняя любовь чуждается и не допускает посторонних в свой заповедный круг. В мысли — «меня и Бога объединяет тайна» — кроется великое обаяние любви, и каждый лишний человек, каждый нескромный взор, проникший в эту тайну, нарушает это обаяние и чувствуется любящей душой почти как оскорбление. Постепенно, по мере развития любви, единение с Богом, слияние с Ним, или, как выражается преподобный Исаак Сирин, «почитие в Боге», становится все полнее и исключительнее, и в этом «почитии» душа находит и свою

награду, и свое блаженство. Ничего другого не надо. Погремушки человеческой славы, убогая мишура мирской роскоши, преклонение раболепствующей толпы — все-все отходит вдаль и кажется таким ничтожным, мелким, ненужным в этом захватывающем, ослепительно сияющем, горящем восторгом потоке Божественной любви.

О воле и настойчивости

У нас много хороших, искренних, горячих порывов, но... «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано»*. Мы часто заканчиваем борьбу на половине, потому что путь ко Христу оказывается трудным и загроможденным. Бесчисленные заставы, груды камней, крутые подъемы, непроходимые чащобы... Некоторые пытаются бороться, но трудности, соблазны всюду, на каждом шагу. Энергия падает, и страшная, предательская мысль вдруг является откуда-то и покоряет сознание: «Спасение для нас невозможно... Мы погибли!» И почти равнодушно люди возвращаются назад, отказываясь от дальнейшей борьбы.

Но послушайте, вы, унывающие, потерявшие надежду: все ли средства вы использовали? Все ли силы истратили? Вы не можете про-

* Строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час».

тиснуться в дверь — можно разобрать крышу. Можно проломить стену... Смотрите: она уже шатается! Еще одно усилие — и она падает! И вы хотите уйти? Стойте... Все напрасно. Вялая, невоспитанная воля отказывается от дальнейших напряжений.

Вам знакома эта картина? Не правда ли, эта дряблость воли, это отсутствие закала и железа в характере — специфическая болезнь русской души? Сколько у нас измен, предательств, отпадений, и ведь не в силу активно злой воли, а в силу трусости, слабости, рыхлости. На воспитание воли мы не обращаем никакого внимания. Заботы родителей о детях ограничиваются внешним уходом, а болезни души остаются без внимания, и наука жизни, которую мы впитываем с детства, ничего не говорит нам о самостоятельности и силе убеждений и учит только приспособливаться и подчиняться обстоятельствам.

А между тем в христианской духовной жизни более чем где-либо необходимы настойчивость и упорное стремление к одной цели. Настойчивость кропотливая, ежедневная здесь гораздо важнее, чем большое, единичное усилие воли или геройский подвиг. Это правило одинаково применимо как к личной жизни, так и к общественной. Блестящий, увлекающийся энтузиаст, скоро остывающий, принесет в христианском обществе меньше пользы, чем скромный

труженик, незаметно, но настойчиво делающий свое дело.

Почему? Потому что христианская духовная жизнь растет постепенно, органически развиваясь вместе с ростом души, и потому требует постоянных, непрерывных, длительных усилий воли. Усилия чрезмерные могут вызвать только ее напряженный искусственный рост, или, как говорят медики, гипертрофию, но это если и не погубит совершенно молодых зародышей ее (что нередко бывает), то, во всяком случае, отзовется очень вредными последствиями. Вот почему чрезмерные подвиги, за которые берутся часто сгоряча начинающие иноки, обыкновенно запрещаются опытными старцами.

Духовная жизнь, как цветок, требует постоянного внимания и длительного ухода; нужны настойчивость и непрерывная работа над собой. Искусственно форсировать ее — значит губить. На пятый этаж сразу не вскочишь: надорвешься! Надо идти по лестницам, ступенька за ступенькой, через все этажи, начиная с первого.

Но как развить в себе настойчивость, если ее нет?

Если мы будем изучать жизнь святых подвижников, то найдем три условия, от которых зависела главным образом непрерывность и настойчивость их духовного делания.

Во-первых, единство цели. Вся жизнь их была проникнута одной целью — стремлением к Богу и к спасению души.

Во-вторых, полное отречение от себя и отдача своей жизни в волю Божию.

В-третьих, рождающееся из этих двух условий — громадное терпение.

Единство цели

Единство цели есть результат единства центра жизни. Когда человек весь проникнут любовью к Богу, когда каждая мелочь его жизни связана с мыслью о Боге, когда около себя он постоянно чувствует присутствие Бога, невидимо вездесущего, тогда, естественно, Бог является центром всех его устремлений, и каждый поступок определяется желанием угодить Богу и боязнию нарушить Его заповеди.

Пока человек служит двум господам — Богу и маммоне, то есть к служению Богу примешивает и стремления к земным целям, служение земным кумирам, до тех пор в нем не может быть настойчивости, ибо эти служения несовместимы, взаимно противоречат одно другому, и человек принужден чередовать их в своей жизни, сменяя Бога маммоной и обратно, а это делает общую линию его поведения неустойчивой и колеблющейся.

Только когда в его душе образуется единый центр и единая цель — только тогда направле-

ние его деятельности становится постоянным и только тогда он может достигнуть великих успехов.

Это — закон воли не только в области религиозной жизни, но и во всякой другой. Все великие достижения человеческого ума и творчества были получены таким образом.

Если в области чисто мирской, светской сосредоточенность воли в одном центре дает такие результаты, то в области духовно-религиозной эти результаты прямо поразительны, так как слабой человеческой воле здесь споспешествует еще всемогущая благодать Божия, и при ее подкреплении человек совершенно перерождается, обновляется, или, как говорит апостол Павел, становится новая тварь во Христе (см. 2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15). Примеров такого полного перерождения в истории христианского подвижничества чрезвычайно много. Строго говоря, почти каждый святой прошел через этот процесс внутренней борьбы с собою, и победа в каждом случае достигалась настойчивостью, устремленной к одной цели — единению с Богом.

Отречение от своей воли

В исполнении Божиих предначертаний и заповедей можно быть столь же настойчивым, как и в исполнении своих желаний, и даже гораздо более, потому что в подчинении Богу

воля человека находит такую могучую опору, какой не может быть в деятельности, основанной на самохотении и самоопределении. Субъективно эта опора состоит в том, что требования Божиего закона имеют для человека гораздо большую силу авторитетности, чем его собственные желания. Как бы человек ни был горд, как бы ни склонен он был преувеличивать свои достоинства и способности, в глубине сознания он все же не может поставить их так высоко, как верующий ставит для себя Бога. Поэтому его личные желания могут переживаться очень остро, могут дойти до степени страсти, но они никогда не приобретут той нравственно-повелительной силы, какую имеют для верующего заповеди и требования Божественной воли. В своих собственных желаниях человек или неизменно замечает элементы самолюбия и эгоизма, что лишает их нравственной чистоты и обязательности для совести, или же в тех случаях, когда его деятельность свободна от эгоистических побуждений и вся устремлена на пользу ближнего, он не может быть безусловно уверен в правильности пути, избранного для их практического осуществления, ибо сознает, что выбор этот определен его собственным умом, силу которого он не может считать абсолютной. В том и другом случае неизбежные сомнения ослабляют твердость и уверенность его деятельно-

сти. Этих сомнений не знает верующий человек, всецело подчинившийся воле Божией.

Объективно опора для деятельности, согласованной с волей Божией, заключается в том, что Господь незримо помогает Своему верному слуге, творящему Его волю. Эта великая, могущественная помощь с одной стороны, а с другой — уверенность в правильности пути, указанного перстом Божиим, и в безусловной святости и непогрешимости норм, данных Господом для человеческой деятельности, приводят в результате к тому, что человек верующий, подчинившийся Богу и всецело опирающийся на Его всемогущую волю, становится духовно бесконечно настойчивее и сильнее, чем неверующий, служащий исключительно своему «я» и руководящийся своими эгоистическими желаниями и указаниями своего рассудка.

Терпение

Терпение у святых подвижников всегда было громадно. Значение его в христианском подвиге совершенно ясно: чтобы вести непрерывную борьбу с искушениями, постоянно напряженно работать над собою и до последней минуты своей жизни не отступить, не бросать начатого дела, не доведя его до конца. Для этого надо уметь мужественно переносить, во-первых, страдания и лишения, всегда связан-

ные с христианским подвигом, а во-вторых, неизбежные ошибки, падения и неудачи, которые легко могут вызвать уныние и ослабить энергию неопытного христианина. Дьявол всегда пользуется неудачами, стараясь раздуть их значение до размеров настоящей катастрофы, чтобы довести подвижника до отчаяния и принудить его прекратить борьбу. Умение переносить страдания и не смущаться неудачами и есть форма христианского терпения. Оно естественно развивается из двух ранее указанных условий настойчивости, то есть из единства цели жизни и покорности Богу, и без них вряд ли может кто-либо достигнуть высокой степени. Терпеть страдания, зная, что это угодно Богу, и переносить неудачи, зная, что они попускаются Богом для нашего воспитания в смирении, неизмеримо легче, чем не понимая, зачем и для кого это нужно. Бессмысленные, ненужные лишения, самые незначительные, чувствуются гораздо тяжелее и раздражают гораздо больше, чем великое горе, целесообразность которого нам ясна.

В вопросе о воспитании терпения могут быть полезны еще следующие замечания.

Часто наше нетерпение в христианском делании зависит от того, что мы скорее хотим насладиться плодами сделанных усилий и иметь скорый, заметный для нас успех. На второй день после обращения к Богу мы уже хотим

быть святыми. Если этого не получается, нам начинает казаться, что наши усилия пропадают даром, и мало-помалу уныние овладевает душой. Мы часто способны бываем на крупный геройский поступок, ибо там успех обнаруживается сразу, но в будничной, черновой работе, не дающей быстрых заметных результатов, наша энергия скоро беднеет и гаснет.

Чтобы предотвратить уныние, надо твердо помнить, что ни одно усилие, как бы мало оно ни было, не пропадает безрезультатно и в душе свой след оставляет. Если мы не замечаем успехов, то чаще всего потому, что наш духовный взор еще недостаточно опытен, чтобы их различить, если они не проявляются в крупных размерах, но если усилие сделано добросовестно, то результаты несомненны, в этом можно быть уверенным. Посмотрите, как медленно, незаметно растет дерево. Почти невозможно определить, насколько оно выросло за сутки, и только в конце года обнаруживается значительный прирост. Так и в духовной жизни.

Всегда лучше смотреть не на конечную цель своих стремлений, а на ближайший шаг, который предстоит сделать. В христианской жизни эту конечную цель рассмотреть ясно почти и невозможно, так как идеал здесь бесконечен и тонет в отдалении, а сравнивать пройденный путь с тем расстоянием, которое еще предстоит пройти, — занятие и бесполезное, и способное

внушить уныние. Как бы далеко ни ушел человек вперед, перед ним все еще расстилается такая бесконечно длинная дорога, что он всегда кажется себе находящимся в самом начале пути. Поэтому никогда не следует мерить, насколько ты вырос в духовном отношении, а все внимание обратить на то, чтобы как можно лучше сделать следующий шаг.

Лучше думать о том, что ты должен делать, а не о том, чего ты можешь достигнуть. Исполняй свой долг добросовестно и не заботься много о результатах. С доверием предоставь это Господу. Всегда помни правило древнего мудреца Семея: «Обязанности — твои, а следствия — Божии».

О Ветхом Завете

Господь Иисус Христос никогда не отвергал Ветхого Завета. Несомненно, Он считал его не только полезным и нужным для духовной жизни, но и обязательным для человека как Слово Божие. Но признавая и почитая книги Ветхого Завета как Божественное Откровение, Господь относится к ним гораздо свободнее и совершенно иначе, чем фарисеи. Глубоко чтя проводимые здесь основные принципы как плод озарения Святого Духа, Он считает ветхозаветные формы практического их осуществления в жизни вполне допускающими изменения,

и никогда не отступая от духа Священного Писания, Он тем не менее не связывает ни Себя, ни Своих последователей формальными предписаниями древнего закона. Жизнь меняется, меняются, как в калейдоскопе, ее условия, и те обряды, обычаи и нормы внешнего поведения, которые были практичны и пригодны несколько столетий тому назад, становятся совершенно непригодными и даже неисполнимыми в данный момент. Но дух, этот вечный абсолютный и живой дух, действующий постоянно в человеке, в его жизни, в его истории, дух добра, истины, правды — должен быть всегда один и тот же, проявляясь лишь в различных обнаружениях в зависимости от эпохи.

Ясно, что формы человеческого поведения и жизни, выражающие веления религиозного духа, не могут быть вечно одними и теми же, застывшими, омертвевшими, и требовать этой неизменности формы — значит на живой орган накладывать лубки*. Результат всегда будет один и тот же: ослабление живой силы религии и омертвление тканей души.

Более того, если религиозные формы держать всегда педантично неизменными, не считаясь с потребностями духовно развивающегося человека, то эти формы или искалечат духовную жизнь, дадут ей уродливое развитие,

* Лубки — дощечки из липовой доски, используемые при переломах костей для фиксации.

или совершенно остановят ее рост. Если ребенка постоянно держать в пеленках, не снимая их и не ослабляя, то он расти не сможет. Так бывает всегда там, где есть живая органическая сила жизни и роста. Так и в религии: по мере того, как дух Божий, дух добра и правды все полнее и совершеннее воплощается в жизни человека, старые формы, как детские пеленки, становятся для него все теснее, и он неизбежно, хотя часто постепенно и незаметно, их меняет. Сама жизнь в той мере, как она развивается и проникается новым духом, перерастает старые рамки, не уместается в них и естественно стремится их раздвинуть, и если, не считаясь с этим ростом, оставить эти рамки в прежнем виде, без всяких изменений, то жизнь просто их разломает, как поднимающаяся внешняя вода в реке ломает сковывающий ее лед.

Господь Своим учением, жизнью и смертью поднял религию на такую громадную высоту, в такой полноте сообщил уверовавшим в Него духа истины и благодати, что не только формы внешнего богослужения оказались устарелыми, но сами правила жизни и поведения пришлось расширить и углубить, чтобы в них могло отразиться это веяние нового духа.

Так смотрит Господь на взаимное отношение Ветхого и Нового Заветов: *Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17). Рус-

ское слово «исполнить» не совсем точно передает оттенок мысли. Стоящее здесь у Матфея греческое слово означает: «восполнить», дать полноту, законченность. Другими словами, Господь хочет сказать, что Его новозаветное учение не нарушает и не отменяет Моисеева закона, но восполняет и развивает его.

Фарисеи расширяли древний закон, отыскивая все новые случаи его применения, опутывая всю жизнь мелочными, формальными предписаниями, порождая предания старцев в невероятном количестве. В этих попытках регламентировать все мелочи жизни неизменными мертвыми правилами, формально выведенными из закона, они сохраняли букву закона, но нередко нарушали его дух (Мк. 7, 6—13). Иисус Христос, наоборот, углубляет и развивает принципы ветхозаветного законодательства, усиливает его духовную напряженность. Он сохраняет его дух, но нередко нарушает форму. В этом заключается основная и существенная разница в отношениях к Ветхому Завету Господа Иисуса Христа и фарисеев.

Внешнее и внутреннее

Господь смотрит на религию неизмеримо глубже, чем фарисеи. Для Него сущность религии и заключается в живом союзе души человека с Богом, союзе любви. *Да будут все едино, как*

Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них (Ин. 17, 21, 26), — так молится Он Отцу Своему. Любящая Бога человеческая душа — вот то, что для Него наиболее ценно, а каким образом эта душа дошла до любви, объединяющей ее с Богом, — это вопрос, строго говоря, второстепенный, не имеющий существенно важного значения. Человек может воспитывать эту любовь и ортодоксальными средствами, строгим выполнением выработанных религией обрядов и постановлений, имеющих педагогическое значение, но может достигнуть той же цели и совершенно своеобразным путем, как, например, достигали святые отшельники, пребывание которых в пустыне требовало от них особого образа жизни и особых правил внешнего поведения. В христианстве оценивается не столько деятельность человека, сколько качества души его, проявляющиеся в этой деятельности.

Господь смотрит в корень вещей. Таким корнем в духовной жизни является душа; внешние деяния — это только плоды. Важно прежде всего, чтобы корень — душа — был здоров, тогда и плоды будут хороши. Стоя на этой точке зрения, Господь и все внешние установления религии, ее обряды, правила, обычаи оценивает исключительно по их связи с душой человека, то есть поскольку они или выражают ре-

лигиозные настроения и движения души, или служат средством ее религиозного воспитания. *Суббота для человека, а не человек для субботы*, — говорит Он (Мк. 2, 27).

Это значит, что все внешние формы, в которых проявляется религиозная жизнь, хороши и ценны, если они содействуют духовному развитию человека и помогают ему приблизиться к Богу. Ценны искренние молитвы, потому что они служат выражением веры, благоговения и любви к Богу, приклоняя Господа на милосердие к молящемуся, сближают Бога с человеком. Ценны церковные службы, полные символизма и глубоко трогательных обрядов, ибо они развивают в человеке религиозное чувство. Ценны дела милосердия и различные благочестивые упражнения, ибо они воспитывают благонастроенную волю, стремящуюся к богоугождению.

Но все эти формы религиозных проявлений становятся бессмысленными, если они теряют связь с живой душой. Бессмысленны и бесцельны молитвы, если они произносятся только устами и если в них не участвует ни ум, ни сердце. Становятся совершенно ненужными обряды, если они не воспитывают душу в любви и покорности к Богу. Даже дела благотворительности и служения ближнему теряют свою ценность, если человек не участвует в них душой (см. 1 Кор. 13, 3).

Обрядоверие

Постановления закона имеют в виду пользу человека и его души, и там, где буквальное исполнение их связано с очевидным вредом для человека, они, конечно, могут быть отменены, ибо *суббота для человека, а не человек для субботы* (Мк. 2, 27).

Фарисеи смотрели на это совершенно иначе. Вряд ли они когда-нибудь задумывались серьезно о необходимости совершенствоваться прежде всего души, вряд ли именно в этом видели волю Божию и главную цель религии и вряд ли рассматривали постановления закона как воспитательное средство религиозного развития. Для них исполнение закона уже само по себе было средством богоугодия, и, забывая, что Бог не от рук человеческих угождение приемлет, они воображали, что чисто механическим исполнением всех обрядовых предписаний они обеспечивают для себя должную милость и награду. Вот почему, исполнив эти предписания, фарисей был вполне доволен собой и больше ни о чем не заботился. «Разве я не все исполнил, и в чем я ошибся?» — таково было обыкновенное присловие фарисея. Обряды и постановления закона приобретали, таким образом, значение своего рода магических средств, исполнение которых было для человека обязательно, если он хотел получить милость у Бога. У фарисеев человек был для суб-

боты, а не суббота для человека. Он мог умирать с голоду, если ему это было угодно, но субботние постановления он обязан был выполнить, ибо в противном случае он навлекал на себя, по их мнению, гнев Божий.

Этот взгляд на сакраментальное значение обрядов не изжит и до сих пор даже в христианстве, особенно среди нашего старообрядчества. Там обряды тоже приобрели совершенно несвойственное им значение самодовлеющих (самодостаточных. — *Примеч. ред.*) средств богоугождения и потому объявлены неизменными и неприкосновенными. «До нас положено: лежи так оно во веки веков», — говорил первый вождь раскола старообрядчества протопоп Аввакум.

Но для нас, конечно, это мнение неприемлемо. Бесконечно выше взгляд Господа, Который все обряды и постановления внешнего закона рассматривал с точки зрения их пользы для души человека.

Надо твердо помнить, что если Господь должен быть центром всей человеческой жизни и царствовать в душе человека, то первая забота христианина должна состоять в том, чтобы построить в душе достойный для Него храм, то есть очистить и приготовить, воспитать душу. В этом заключается главная забота. Сюда должны быть устремлены все силы и внимание, и вся религиозная жизнь и деятельность должна рассматриваться под этим углом зрения.

Духовный наставник

Когда фарисеи упрекают Господа в том, что сближением с мытарями и грешниками Он позорит Свое звание духовного учителя, Он отвечает им: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мк. 2, 17).

Самое ценное для Бога — душа человека. Поэтому и обязанность религиозного учителя именно в том и состоит, чтобы эту душу, омраченную, недугующую грехом и ушедшую от Бога, просветить, исцелить и снова вернуть к Творцу. Не нужен тот учитель, который не идет за этой душой, гнушаясь ее язв, и бессмысленно его величаво-надменное стояние в отдалении от людей, требующих его руководства. Если он желает оставаться лишь в незапятнанном кругу праведников, то он бесполезен и не делает своего дела.

Праздники

Как, по христианскому учению, следует проводить праздники и относиться к ним? Зачем нужны праздники?

Однажды мне пришлось говорить с молодым английским студентом о том, почему так строго соблюдается воскресный день в Англии. «Знаете что, сэр, — сказал он, — как бы там ни

было, но необходимо хотя бы один день в неделю иметь для лучших дум!..»

Эту же мысль подробнее раскрывает пресвященный Филарет, митрополит Московский: «Праздник — это благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни». В самом деле, в течение недели мы, как в котле, кипим среди будничных забот и волнений, живем, как на базаре, где крикливая суeta жизни заглушает все. Душа, как удушливым туманом, окутана назойливыми мыслями о житейских нуждах и дрязгах, о наживе, о карьере, об удовольствиях, о чем угодно, только не о Боге; и осадок этих дум, как копоть, как плесень, заволакивает душу, делая ум нечистым и сердце черствым. В душе копится слой нравственной грязи, и эту грязь необходимо время от времени очищать, чтобы не покрыться плотной коростой греха, под которой сейчас же начинается гниение и разложение духовных сил. В русском народе есть обычай по субботам каждую неделю ходить в баню. Так и душа нуждается в периодических своего рода нравственных омовениях. Такими омовениями для души и должны служить праздники.

Праздники — это душ для души. *День седьмой — Господу Богу твоему*, — говорит заповедь (Исх. 20, 10). Долой все будничные заботы, серые мысли, грязные желаньица, ноющую за-

висть, недоброжелательность! На один день отдайте душу лучшим думам — думам о Боге, о любви, о вечности, о светлом мире ангелов и святых, о бессмертии будущего (чтобы вам самим стать лучше, чище, добрее). Страхните с себя пыль житейской суеты, ибо *благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2, 3). Подумайте хоть в этот день о душе, иначе вам грозит опасность, что дума о теле превратится для вас в суть жизни.

В этом главное значение праздника. Это — день очищения, и этого требует гигиена души. Для человека немощного, мирского трудно жить постоянным устремлением к Богу. Это требует непрерывных усилий и хорошо дисциплинированной воли, ибо житейские мелочи постоянно стремятся овладеть сознанием и вытеснить оттуда всякую мысль о Боге. Бороться с этим напором постоянно, каждую минуту, не отступая ни на шаг, часто не под силу обыкновенному человеку, не искушенному в духовной борьбе. Церковь это знает и потому, оставляя в распоряжении человека для его житейских дел шесть дней в неделю, требует от него лишь одного дня особых усилий, чтобы ему вырваться из будничной сутолоки и напряжением духа хотя бы ненадолго подняться на очищающую и освящающую высоту.

Но, конечно, для того, чтобы праздники приносили действительную пользу человеку,

очищая и возвышая душу, необходимо проводить их должным образом. У нас, к сожалению, праздник обыкновенно означает только усиление житейской суеты. Гости, концерты, вечера, балы, театры, посиделки, карты, выпивка — все роды развлечений, часто грубых, часто безнравственных — все это намеренно пригоняется к празднику: в будни некогда. Понятно, что проводить праздник таким образом вовсе не означает посвящать его Богу или отдыхать. В результате получается лишь утомление, какой-то мутный осадок, душевное отупение. Можно прямо сказать, что гораздо лучше работать, чем наполнять время этой суетой, отравляющей душу.

Как же следует проводить праздники по-христиански?

Посещение храма является первой обязанностью христианина в праздник. Вторая обязанность — благотворение. Наконец, все роды богоугодных занятий — домашняя молитва, чтение душеполезных книг, религиозные беседы и т. д. — наиболее приличествуют празднику, ибо этим и освящается праздничный день, как того требует заповедь: *Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работы и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему* (Исх. 20, 8—9).

Созидание Царства Божия

Совершенно несправедливо мнение, будто мы можем совершенно отказаться от участия в постройке Царства Божия и будто это дело только тех людей, которые для этого специально поставлены. Обращаясь ко всем верующим, апостол Петр пишет: *Приступая к Нему (Господу Иисусу Христу), камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом* (1 Пет. 2, 4—5). Все мы — живые камни, из которых строится великолепное здание Царства Божия, все призваны к участию в этом Царстве и все, следовательно, ответственны за эту постройку, все должны работать. Никто не смеет отказываться, но участие наше в этой работе различно. *Как в одном теле, —* говорит апостол Павел, *— у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, — в учении; увещатель ли, увещай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием;*

благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет непритворна... (Рим. 12, 4—9).

Другими словами, каждый из нас обязан работать для созидания Царства Божия на том месте и в том служении, где он поставлен Богом. Участие в этой общей работе обязательно для каждого, но не обязательно, чтобы это участие проявлялось непременно в форме апостольского служения. Делай, что можешь, где можешь и как можешь. Лишь бы это было с любовью.

Чтобы для нас убедительнее стала мысль о необходимости и обязательности общей работы на пользу общего дела, для этого надо отчетливее выяснить для себя, как понимали апостолы взаимные отношения верующих. Для них все общество последователей Иисуса Христа, или Церковь, представляет одно тело, в котором глава — Христос, а мы все — различные члены. Это — не аллегория, не уподобление только, не образ наглядного выражения, но нечто гораздо большее: это — мистическое проникновение в самую суть вещей. Мы действительно составляем одно тело, или один организм. Это можно представить лишь в воображении, но понять и объяснить во всех подробностях нельзя. Становится понятным, до какой степени тесно мы все связаны друг с другом, насколько зависим друг от друга и как отвечаем все друг за друга и за благосостояние всего тела.

Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 26). Это закон христианской ответственности. Если заражен один член, то зараза неизбежно передается другим и всему телу. Если согрешил один человек, то зараза греха в большей или меньшей дозе неизбежно переходит на весь организм — общество.

Поэтому я не смею грешить не только потому, что это губит меня лично, но еще более потому, что это заражает и губит других. С другой стороны, если я вижу согрешающего брата, я не могу оставаться равнодушным, потому что этот грех в той или другой форме дойдет и до меня.

Иногда нам кажется, что наши грехи проходят бесследно и никому не приносят вреда. Это — иллюзия, самообман. Где-нибудь когда-нибудь так или иначе последствия греха скажутся. В чем же должна состоять наша обязательность по отношению к обществу ввиду этой ответственности? Косвенный ответ на этот вопрос дает тот же апостол Павел.

Из Христа все тело, — пишет он, — составленное и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви (Евр. 4, 16).

Это значит, во-первых, что кроме непосредственного исполнения тех обязанностей, кото-

рые возложены на меня Богом, я должен заботиться об укреплении взаимных связей между членами общества. Во-вторых, свое собственное дело я должен делать в духе любви так, чтобы оно содействовало усилению связи между мною и другими членами. Если каждый в своей деятельности подчиняется этим правилам, то общество создается и растет в духе любви, приобретает прочность и процветает. Наоборот, при нарушении этих правил оно разлагается.

Каждое дело можно делать различно. Можно его делать или как долг служения ближним, заботясь больше об их пользе, чем о своих выгодах; тогда оно крепче связывает людей служащих и пользующихся служением и является средством укрепления, развития, процветания общества, силой творческой и жизненной. Или можно делать его с чисто эгоистическим расчетом, выжать из него как можно больше пользы лично для себя, нисколько не думая о благе других, и тогда оно не только ослабляет, расшатывает и вконец разрывает взаимные привязанности людей, но вносит в их отношения нечто совершенно противоположное: охлаждение, озлобление, взаимное отталкивание. Это процесс гниения, распада, смерти. Гниение в том и состоит, что отдельные частицы гниющего тела теряют силу взаимного притяжения или сцепления и распадаются. Так

в физическом мире, так и в человеческом обществе.

Итак, наше участие в апостольском деле постройки Царствия Божия должно заключаться прежде всего в том, чтобы каждое дело делать во имя Господа Иисуса Христа, в духе евангельской любви и самопожертвования.

Но, кроме этого, на нас лежит также задача всеми зависящими от нас средствами укреплять взаимные связи между людьми, содействуя по мере сил развитию религиозной веры, любви, дружбы, доверия и борясь с явлениями противоположными. Таким образом, если я проповедую неверие, вражду, насилие, травлю людей друг на друга, клевету, осуждаю, распуская лживые слухи о людях, сею раздоры, подозрительность — всем этим я вношу разложение в общество и тем если не останавливаю роста Царства Божия (ибо по неизъяснимым законам Божиим оно растет при всяких условиях), то, во всяком случае, отвлекаю многих от участия в нем. Если же я распространяю истинную веру, проповедую любовь и братство, всепрощение и самоотречение, говорю о людях хорошо, благотворю и помогаю нуждающимся, борюсь с клеветой и ложью, примиряю враждующих, то этим я укрепляю общество и взаимные связи его членов и содействую развитию и расширению Царства Божия.

Равнодушие к ближнему

Даже лучшие из нас обыкновенно довольствуются тем, что кое-как следят за собою, за своими настроениями и поступками, но о нравственном состоянии ближних, об улучшении их взаимных отношений вряд ли кто думает. Какое мне дело до другого? Он сам отвечает за себя! Разве я сторож брату моему? Этот жесткий вопрос Каина если и не произносится открыто, устами, то слышится в каждом эгоистическом сердце. Равнодушие к ближнему, ужасающее, тупое равнодушие — это наш общий грех.

Помните, вопиющая, возмутительная несправедливость совершена была на ваших глазах? Самым грубым, циничным образом нарушены были основные правила справедливости. Как всегда, страдал слабый, беспомощный от сильного, наглого. Вступились ли вы за обиженного? Защилили ли? Помогли ли ему? Посочувствовали ли, по крайней мере? Или... прошли равнодушно мимо? — Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Больной, посиневший от холода старик стоял перед вами, протягивая дрожащую руку за подающим. Как вы отнеслись к нему? Помогли ли? Оказали ли милость и участие? Или остались холодны, равнодушны? — Не мое дело! Разве я сторож брату моему?

Злобная, ядовитая сплетня была рассказана в вашем присутствии. Оплевана была честь ваших знакомых. Их доброе имя трепали в грязи. Вы знали, что в этой сплетне все, от первого до последнего слова, — ложь. Но хватило ли у вас мужества заявить об этом? Остановили ли вы клеветника суровым упреком? Восстановили ли правду и поруганную честь ближнего? Или выслушали с затаенным злорадством, хихикая с веселым обществом? Или, может быть, просто промолчали? — Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Мы все думаем только о себе; вопрос о ближнем нас не интересует, и в результате нравственное зло, как зараза, как гангрена, распространяется все шире и шире, захватывая все новые жертвы. И в этом виноваты все мы. Что мы делаем, чтобы остановить порок? Употребляем ли какие-нибудь усилия, чтобы спасти погибающих братьев?

Мало видно этих усилий. Повсюду черствость, равнодушие. Но черствость всегда вызывает озлобление, а порок, к которому мы так позорно равнодушны, так или иначе обратится когда-нибудь на нашу голову.

Ненависть мира

Если Меня гнали, будут гнать и вас (Ин. 15, 20). Эту же участь — быть жертвой клеветы, непонимания, оскорблений всякого рода, пре-

следований — Господь предсказал и всем Своим ученикам и последователям. Итак, кто решится следовать за Господом Иисусом Христом и быть Ему верным, должен приготовиться: гонения, обиды, насмешки неизбежны.

Разве не глубокая, грустная правда в этом предостережении? Как ополчается мир на всякого, кто вздумает ему изменить и избрать новый путь евангельской любви и правды! *Если бы вы были от мира, — подтверждает Господь, — то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19).

Еще сегодня вы принадлежите миру, живете его интересами и вкусами, поклоняетесь его кумирам — роскоши, богатству, славе, знатности, — барахтаетесь в водовороте тщеславия, сладострастия, себялюбия и прочих страстей, носите, как все, маску лицемерных приличий, ведете так называемые остроумные и занимательные разговоры, полные скрытого цинизма и ядовитого осуждения, не смее заикнуться о Боге, о вечной правде, о строгих законах добродетельной жизни, ибо говорить об этом считается смешным и скучным в приличном обществе, — и все вами довольны. Вы можете быть душой общества, вас везде приветливо принимают, вас слушают с удовольствием, вам льстят, о вас отзываются хорошо, ваши плохо скрытые грешки охотно прощают или добро-

душно-снисходительно над ними подтрунивают. Вас все любят: вы — человек свой. Но вот с вами произошла резкая перемена: вы стали серьезнее задумываться о жизни и о ее смысле; что-то неугомонное, неудовлетворенное проснулось в совести; давно забытые слова святых сказаний и притч откуда-то выплыли в сознании; явилась мысль о Боге и Его правде; вся крикливая суета и ничтожество светской жизни резко выступили перед внутренним взором. Вы почувствовали, что в ней удовлетворения нет и найти его нельзя, и вы решили порвать с нею, с прежними привычками, со знакомыми и друзьями и, отказавшись от всего, идти за Христом. В вашей жизни произошел переворот... И посмотрите, как быстро и резко меняется отношение к вам мира. Со всех сторон раздается вой, шипение, свист, улюлюканье. Прежние друзья вас избегают, при встречах не узнают. Начинается травля... Толки, сплетни, разговоры...

— Вы слышали, что случилось с N? Перестал бывать в обществе, все забросил... Говорят, собирается в монахи...

— Бедняга!.. Что он — с ума спятил? Знаете, я всегда замечал в нем некоторые странности... Жаль... А какой весельчак был! Да что за причина? Не был ли он влюблен неудачно?

— Нет, просто ханжа, святоша! Ну что он корчит из себя?! Лицемер!.. Такой же, как и все мы... Отлично знаем!..

И так далее. Но не бойтесь! Из-за этого шума не отказывайтесь от первого шага. Настоящей опасности в этом еще нет. Это только первое, сравнительно легкое испытание вашей воли и серьезности вашего решения. Вы должны это преодолеть, чтобы приобрести первый закал.

Не бойтесь! Это воеет и улюлюкает в людях хор бесовской силы, которая лишается своего прежнего раба и поклонника и не хочет этого допустить. Она страшает вас, чтобы заставить отказаться от принятого намерения. Не обращайтесь внимания и помните, что, как правило, бесы всегда больше шумят и пугают, чем действительно вредят. Без попущения Божия они ничего не могут вам сделать.

Не бойтесь! Вы не один. Господь идет вам навстречу и протягивает руку. Положитесь на Него. *Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18). Вы можете вполне на это рассчитывать, ибо вы слышали, какое дивное обетование дал Он Своим верным последователям: *Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мк. 3, 35). Но чтобы иметь на это право, необходимо одно условие: творить волю Божию. Высокое звание Своего брата, Своей сестры, Своей матери Господь признает только за теми, кто исполняет волю Божию. С того момента, как вы сделали решительный шаг, у вас

не должно быть другой цели, как только узнать эту волю и исполнить ее в своей жизни.

Воля Божия и воля человеческая

После грехопадения воля человека стала не-совершенна, желания — греховны и неразумны, потому что теперь они управляются его страстями. Разве громадное большинство наших желаний не носит узко эгоистического, чувственного характера? Все они рождены нашими страстями, и, пытаясь удовлетворить их, мы неизбежно разрушаем тело и отравляем душу, ибо каждая страсть разрушительна и губительна. Один желает богатства, другой хороших кушаний и тонких вин, третий успеха в блуде и т. д. Все эти желания убивают человека и его душу.

При такой неразумности наших желаний как можем мы им довериться? Куда они заведут нас, кто это скажет? Как часто случается, что после долгих трудов и усилий достигнув осуществления своих желаний, человек с удивлением и досадой видит, что он гонялся за призраками и что лучезарная мечта, вдохновлявшая его, при достижении потеряла всю прелесть. Так лопается радужный мыльный пузырь, схваченный рукой, оставляя лишь клочок едкой пены. В лучшем случае потеряны труд и время, в худшем — вместо счастья и наслаждения приобретена досадная обуза, вредная

и ни на что не нужная. Мы часто, как мотыльки, летим на огонь только для того, чтобы опалить свои крылья.

Преподобный Нил Синайский, человек глубокого духовного опыта, так говорил о своих желаниях: «Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прощении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив просимое, бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил — да будет лучше по воле Божией, ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал». Драгоценное свидетельство великого подвижника, опытом познавшего всю обманчивость человеческих желаний!

Насколько лучше отдалиться всецело в волю Божию, отказавшись от своих мечтаний и стремлений! Ведь это — воля благая, угодная и совершенная; это — воля благожелательная, ибо Всемогущий, любящий Отец наш *желает* всем людям спастись и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4). Мы можем вполне довериться Господу, ибо Он лучше знает то, что нам действительно надо и полезно, лучше может вести нас, больше о нас заботится и больше нас любит, чем мы сами.

Если Господь говорил: *Не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5, 30), если ангелы Божии, сильные крепостию, вечно пови-

нуются гласу слова Божия и в совершенстве исполняют волю Его (см. Пс. 102, 20—21), то мы же, немощные, совратившиеся с пути истины, потерявшие Его из виду и не могущие сами собой обрести Его (см. Исх. 59, 7—8), не пожелаем ли приблизиться к Свету, Который просвещает всякого человека (см. Ин. 1, 9), и, познав святую волю Божию, открываемую нам единокровным Его Сыном, творить ее по возможности, ибо в этом и состоит все благо жизни нашей?

Притча о сеятеле

Смысл притчи о сеятеле достаточно подробно объяснен самим Господом. К евангельскому объяснению можно еще прибавить, что сеятель — это Сам Господь, семя — Слово Божие, поле — все человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя евангельского слова. Подобно семени, евангельское слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? *Сия же есть жизнь вечная*, — отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, — *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Евангельское слово дает это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных усло-

виях возрастает и приносит плоды — добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца. Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но *слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). В нем скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, слово Божие не всегда дает одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта — наше сердце. Мы все, слушатели и читатели слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, — вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

Чтобы понять причины, обуславливающие для человека бесплодность слова Божия, и в то

же время найти правильные способы обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека евангельского слова, — для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это — четыре различных вида психики человека, четыре вида устройства души.

Когда сеятель сеял, *случилось, что иное (семя) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то* (Мк. 4, 4). Это — первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на нее, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается легкой добычей птиц.

Что это за люди? Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться — выше этого они ничего не знают. Корм и пойло — этим исчерпывается все их содержание. Их мировоззрение исключительно мате-

риалистическое. Вопросы духа для них не существуют.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики — праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Все, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, присутствовать при торжественном, вдохновляющем богослужении или покатываться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой.

Третья разновидность людей этого сорта — это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни. Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или занятию, определяющему направление их жизни. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-

помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьезно, становится сухим, равнодушным, жестким.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но остается на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче. *Иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло.* Поясняя эти слова, Господь прибавляет: *Посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются* (Мк. 4, 5—6, 16—17).

Тип, широко распространенный и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями

и побеждать враждебные течения. На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Они хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуется никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с полным комфортом и со всеми удобствами.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

Последний тип людей, в душе которых слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах: *Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода* (Мк. 4, 7, 18—19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души все светлое, идей-

ное, возвышенное. Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени слова Божия безрезультатно!

Из четырех категорий только одна приносит плод: *Иное семя упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (Мф. 4, 8,20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повиновение евангельскому слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой — почти две трети, и лишь немногим удастся исполнить все полностью и в совершенстве. Это натуры избранные.

Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу, или каменистую почву, или семена слова Божия гибнут в нем, заглушенные терниями мирской суеты? Определив особенности

почвы, можно указать и применить особые приемы обработки сообразно с каждым родом почвы.

Конечно, здесь все время необходимо помнить, что *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога, как главном условии успеха, мы все-таки не освобождаемся от обязанности работать над собой, ибо *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не включает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным Промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены в проезжую дорогу массой разнообразных пестрых впечатлений, которые, проносясь через

сознание, подобно бесконечной веренице экипажей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жесткой, черствой и невосприимчивой к слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь — поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задержать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозгу, загромождая его всяким хламом.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат слово Божие.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию слова

Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

Евангельский свет

Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? (Мк. 4, 21).

Слово Божие, которое раньше Иисус называл семенем, здесь сравнивается со свечой по его действию на человеческую душу.

Да, это — свеча в нашей темной жизни, это — источник света, яркий, сияющий, пронизывающий своими лучами окружающий мрак. Вы, слушатели Евангелия, вы получили эту свечу. Что вы намерены с ней сделать?.. Ничего? Не извлечь никакой пользы? Оставить без всякого употребления? Разве это не странно? Разве это не значит поставить вашу свечу под сосуд или под кровать, так что свет ее не принесет никакой пользы ни вам, ни кому другому из сидящих «в сени смертной» (см. Мф. 4, 16)? Разве для этого приносится свеча? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике — да светит всем в доме?

Таков ответ Господа на поставленный выше вопрос. Восприняв евангельское семя, получив свечу слова Божия, нельзя относиться к этому

великому дару безучастно и равнодушно. Следует пользоваться им в жизни.

Каким образом?

Слово Божие... — говорит апостол Павел, — острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его (Евр. 4, 12—13).

Вот первое свойство Божьего слова. Оно судит, оценивает, определяет нравственную стойкость наших помышлений и намерений. Самые тонкие извивы мысли, самые сокровенные чувства, притаившиеся в темных глубинах нашей души, самые интимные желания, в которых мы сами себе не смеем признаться, определяются словом Божиим по их моральному достоинству. Оно проникает на самое дно души и обо всем постановляет свой безошибочный приговор, что хорошо и что плохо. Все открыто пред ним.

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (Мк. 4, 22).

Грех боится света. Он прячется в темных закоулках души, и диавол, виновник греха, напрягает все усилия, чтобы в эти зловонные уголки не попал ни один луч света, чтобы таким образом не обнаружились его мрачные деяния, его ложь и коварство. Люди порочные

под влиянием злой воли дьявола терпеть не могут, чтобы в их душу кто-нибудь заглядывал, и сами не любят это делать. Вот почему душа часто представляет собой темный чулан, где масса всякого хлама и где ничего не разберешь: пыль, грязь, мусор, злые мысли, грязные желания, затаенные страсти... Завалены все углы. Но часто мы этого даже не замечаем в себе, ибо сознание, не просвещенное евангельским светом, не может разобраться в том, что хорошо и что дурно. Нередко определенный грех, слегка лишь прикрытый кажущимся благородством побуждений или софизмом, коряво построенным на священном тексте, принимается за добродетель, и, к сожалению, это явление широкого масштаба. Недаром в нашей литературе появилась эта нелепая, извращенная терминология, преподносящая такие перлы, как «благородная гордость», «святая ненависть» и т. д. Как ни странно, громадная масса людей, живущих почти два тысячелетия христианской жизнью, все еще не знает, что такое грех и где проходит та черта, которая отделяет нравственно дозволенное от преступного. Редко общественная мораль нашего времени поднимается выше уровня уголовного кодекса, и, не зная ни нравственных принципов, ни евангельского критерия, люди, нравственно определенно недоброкачественные, искренно считают себя прекрасными людьми и вполне спокойны за свое вечное

будущее, если только, конечно, они о нем думают. «Когда я разбираюсь в своих поступках, я нахожу, что я хороший человек!», «Я лучше многих других!», «Зачем скромничать: в своей душе я не нахожу нравственного безобразия!» Вам приходилось слышать такие отзывы? И это говорят люди, только что не делающие преступлений, наказуемых в уголовном порядке тюремным заключением. В самом деле, я не совершил никакого преступления, никого не убил, никого не ограбил, ничего не украл! Чего же еще требовать? И человек спокоен. Ему кажется, что в неосвещенном чулане его души все благополучно. В темноте стушевываются очертания порока и страстей и грех незаметен.

Но внесите в этот мрачный чулан евангельский свет, и картина резко меняется. Вся грязь, вся копоть, весь мусор, накопленный годами, выступают сразу перед глазами и вызывают невольное отвращение. Тонувшая в серых сумерках и потому казавшаяся приличной внутренность души вдруг открывается во всем безобразии, освещенная беспощадным сиянием евангельского идеала. То, что представлялось ранее нравственно порядочным и даже добродетельным, оказывается сплошь порочным. В мнимой добродетели просвещенная совесть отчетливо видит все пятна греха. Более того: из глубины воспоминаний поднимаются давно забытые картины, сцены, происшествия, кото-

рым никогда не придавалось никакого значения с нравственной точки зрения и которые потому мирно дремали на дне души, не тревожа совесть. Теперь они представляются совершенно в новом свете: выступает наружу и больно режет глаз вся грязь, вся подлость, весь животный эгоизм, которым они были пропитаны насквозь. Как будто с гноящейся раны сняли прикрывавшую ее доселе повязку, и перед глазами предстала отвратительная гангренозная язва, издающая нестерпимое зловоние. Начинается полная переоценка ценностей, и горделивое самомнение самодовольного человека уступает место мучительному стыду и раскаянию.

Это — первое следствие озарения души евангельским светом: повышение нравственного идеала, просветление и обострение нравственного чувства, понижение горделивой самооценки, более правильный и смиренный взгляд на собственное нравственное состояние, пробуждение совести. Читая или слушая слово Божие, и надо прежде всего пользоваться полученными знаниями для того, чтобы достигнуть этих следствий. Лучший путь к этому следующий: на основании изучения слов Господа и всей евангельской истории необходимо составить и отчетливо нарисовать себе так называемый евангельский нравственный идеал, то есть образ того духовного совершенства или святости, который ярче всего и полнее всего

воплотился в лице Самого Господа. Составив хотя бы приблизительное, первоначальное понятие о том, какова должна быть жизнь по Евангелию, жизнь, полная высокой святости и чистоты, мы должны сравнить с нею нашу грязную, порочную жизнь шаг за шагом, факт за фактом, мелочь за мелочью.

Евангелие требует кротости и смирения. *Блажени кротцыи, блажени нищии духом*, — говорит Господь, который Сам первый явил изумительный пример кротости. Безропотно нес Он тяжелый крест Своей скитальческой жизни, безропотно взошел на Голгофу, безропотно терпел все оскорбления и истязания и даже молился за Своих распинателей. Так ли мы живем?.. Не гордость ли и самомнение заполняют нашу душу? Нет ли там раздражительности, злобы, нетерпения?

Евангелие требует чистоты. Даже тот, кто глядит на женщину с нечистым желанием, назван здесь прелюбодеем (см. Мф. 5, 28). А мы не только не боремся с грязными вожелениями, не только не гоним от себя возбуждающие мысли и образы, но нарочно распаляем себя и ищем только случая удовлетворить свою похоть.

Евангелие требует безусловной правдивости. *Да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37), — учил Господь и в Своем лице дал образец такой правдивости: в самые тяжелые

критические минуты Он не только не лгал, но даже не смягчил в угоду людям резкой правдивости Своих слов, какая бы опасность Ему ни грозила. Попробуйте как-нибудь посчитать, сколько раз мы солжем в течение дня по самым незначительным поводам, и вы с изумлением увидите, как бесконечно далеко отстоим мы от этой высоты евангельских требований...

Если такие сравнения продолжать далее настойчиво, последовательно, то постепенно поблекнут радужные краски, в которых представлялась нашим глазам наша душевная жизнь, и мы увидим ее недостатки и пороки во всем их неприкрытом безобразии.

Это неприятно, конечно, но это-то и надо. Чтобы начать лечить болезнь, надо поставить правильный диагноз. Обнаруженная болезнь не так страшна и опасна, ибо всегда можно найти способы ухаживать за ней. Страшно, когда человек не подозревает в себе болезни и даже не стремится узнать, болен он или здоров. Опасное положение может сделаться тогда безнадежным. И не только для себя должны мы пользоваться евангельским светом, но и ближним нашим, не знающим и не читающим Евангелия, обязаны помочь разобраться в душе и указать, где грех и где правда, ибо, зажегши свечу, *ставят ее на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15).

Постановкой диагноза, однако, все не исчерпывается. Далее необходимо лечение, то

есть исправление греховных навыков и усилие вести евангельскую жизнь.

Духовные дарования

Притча о талантах повествует о господине, который, отправляясь на чужую сторону, поручил свое имение рабам и одному дал пять талантов, другому два, иному один. Первые два употребили полученные таланты в дело и приобрели на них столько же прибыли, а третий раб закопал свой талант в землю, где он и пролежал без пользы. Когда вернулся господин и выслушал отчет своих рабов, он наградил двух первых, а к третьему, закопавшему талант, обратился с грозными словами: *Лукавый раб и ленивый!.. надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Мф. 25, 26—29).

Смысл притчи ясен: Господин — Господь, рабы — все мы, таланты — дарованные нам Богом силы и способности, торжище, где умножаются таланты, — весь мир. Господь требует, чтобы данные нам способности мы употребляли на спасение нашей души и на пользу ближних, пускали в оборот на торжище мира, и тогда они развиваются и увеличиваются, или,

как говорит Евангелие, *кто имеет, тому дано будет... и прибавлено будет вам, слушающим*; причем чем больше сил и усердия вкладываем мы в это дело, тем больше бывает это увеличение и успешнее развитие.

Вложивший в дело пять талантов получил и прибыли пять талантов; пустивший в оборот два и приобрел на них только два. *Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам*, — говорит Господь. Но тот, кто не пользуется своими способностями для целей, указанных Господом, тот их теряет совершенно. Раб, закопавший свой талант в землю, лишился его. В этом смысле и сказано: *Кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет* (Мк. 4, 24, 25).

Таким образом, в приведенных выше словах Господа отмечается общий закон всякой органической жизни, закон роста и развития, закон, действующий с неумолимой обязательностью и в приложении к духовной жизни. Закон этот можно формулировать так: всякая сила и способность не только в человеке, но и во всяком живом существе при употреблении и упражнении развивается, без употребления же отмирает, или, как говорят, атрофируется.

Действие этого закона можно наблюдать везде и всегда. Если вы хотите развить в себе физическую силу, вы должны упражняться с тяжестями, заниматься гимнастикой. От этого

мускулы увеличиваются в объеме и приобретают прочность и упругость. Если хотите научиться бегло читать, красиво писать, легко решать арифметические задачи, вы должны в этом упражняться, чтобы развить соответствующие способности. И так во всем.

Наоборот, если вы прекратите свои упражнения, вы потеряете то, что вами было приобретено. Бросьте физическую работу и гимнастические упражнения, и ваши мускулы станут вялыми и слабыми. Тот же закон действует и в духовной жизни. Человек может потерять от неупотребления волю, память, сообразительность — все духовные способности. И самым, конечно, страшным является для человека омертвление духовной жизни. А это бывает очень часто. Посмотрите на так называемых деловых людей, занятых всецело торговлей, барышами, коммерческими операциями. Они так поглощены всем этим, что для духовной жизни у них не остается времени, и духовно они не растут, оставаясь вечно духовными карликами. Мало-помалу теряется мысль о Боге, о нравственном законе, утрачивается любовь к правде, отвращение ко греху, сердечная чуткость к моральным вопросам.

Мы обыкновенно считаем грешниками только тех, кто грешит открыто. Но кто не пользуется данными ему способностями для славы Божией, для пользы ближних, для своего

спасения, для развития духовной жизни — тоже грешник перед Богом, и на Страшном Суде Христовом услышит грозный приговор: негодного раба выбросьте во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов (см. Мф. 25, 30).

В результате пренебрежения духовными дарованиями получают следующие печальные явления:

1. Духовные способности, как-то: вера, любовь, надежда, молитва, терпение, покорность Богу и прочие — начинают слабеть, становятся ненадежными и в решительную, тяжелую минуту могут изменить человеку. Так в лесу сгнившие в сердцевине деревья первыми падают под напором бури.

2. Мы легче поддаемся искушениям и чаще уступаем чарам соблазна, изменяя нравственному закону.

3. Страдает сила воли и ее нравственная устойчивость. В конце концов, воля есть не что иное, как постоянный выбор между различными побуждениями и возможными направлениями нашей деятельности.

В этом постоянном выборе, который представляет человеку ежедневная жизнь, собственно, и состоит упражнение нравственной воли, та деятельность, которая ее укрепляет. Отсюда ясно, насколько важна деятельность для развития воли и насколько вредна здесь пассивность или безучастие.

Главным средством укрепления нравственной воли и является непрерывная деятельность в духе евангельских заветов. Без этой деятельности, без постоянных усилий, в чем бы они ни проявлялись — в молитве, благотворительности или аскетическом подвиге, — воля может атрофироваться совершенно, и тогда всякий нравственный поступок представляет невероятные трудности.

4. Застой в духовной жизни всегда сопровождается далее ослабеванием голоса совести. Вначале чуткая и отзывчивая на всякое нравственное зло совесть постепенно начинает замирать, если не обращать внимания на ее требования. К зловонию можно привыкаться, ко злу можно привыкнуть, если с ним не бороться. Если пренебрегать указаниями совести, то мало-помалу человек перестает слышать ее голос и нравственно засыпает.

5. Наконец, при отсутствии духовной деятельности неизбежны сомнения, скептицизм, малодушие, духовная апатия. Не может быть ни энергии, ни решимости.

Таковы психологические следствия духовной лени и бездеятельности.

Еще более важны следствия в области таинственной и благодатной.

1. При бездеятельности мы теряем благодатную жизнь. *Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь,* — говорит Господь иуде-

ям (Ин. 5, 40). Он обещает эту жизнь, но для этого надо идти к Нему. Кто стоит на месте, то есть не делает никаких усилий и движений, тот никогда не придет ко Христу, источнику жизни.

2. Свет жизни приобретается нами обыкновенно практически, то есть путем проверки Евангелия опытом и деятельною жизнью по его заветам.

3. Не пытаясь жить по Евангелию, мы отводим от себя благодатные дары и помощь Божию, ибо благодать Божия содействует человеку при его собственных усилиях и без этого спасти его не может.

Из всего вышесказанного постараемся твердо запомнить главный вывод: духовная жизнь есть деятельность непрерывная. Нет более вредной ошибки, как воображать, что, сделав одно или несколько добрых дел, вы уже обеспечили себе блаженство и можете почить на лаврах. Так в старину богатые купцы после беспутно проведенной жизни иногда пытались искупить ее постройкой храма или пожертвованием тысячепудового колокола. Если этот дар не сопровождается искренним раскаянием и решительным переломом жизни в духе Евангелия, то он не может спасти человека.

Жизнь есть вечное движение. Она никогда не стоит.

Духовная жизнь также движется постоянно: или вверх, или вниз, или к добру, или ко злу, но

стоять она не может. Это похоже на плавание в лодке вверх по реке. Вы двигаетесь вперед лишь пока гребете. Как только вы сложили весла, вас сейчас же начинает сносить назад.

Но если вы добросовестно работаете над собой, стараясь жить по заповедям Божиим, и, пользуясь евангельским светом, пытаетесь исправить свои недостатки, то незаметно для вас в вашей душе растет Царство Божие, то есть то высшее состояние нравственного совершенства, когда Господь начинает безраздельно царствовать в душе над вашими мыслями, желаниями и чувствами. Как растет это семя Царства Божия, по каким законам, — человек этого не знает и часто даже не замечает, пока не определится результат роста и семя не превратится в полновесный колос. Но когда вырастает семя, оно заполняет всю душу, вытесняя все лишнее, ненужное.

Молитва

Господь каждый представлявшийся Ему случай обращал к тому, чтобы дать человеку не только просимые им внешние блага, но и возвысить его душу, вызвав в ней лучшие чувства и настроения, и таким образом сообщить ей благодать духовных даров. ...В этом урок для нас. Урок необходимости настойчивой, длительной молитвы, которая не приходит в от-

чаяние и не прекращается оттого, что не сразу бывает услышана, но продолжает добиваться своего, не теряя надежды. *Просите, и дано будет вам, — говорит Господь, — ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 7—8). Поэтому и Святая Церковь Православная старается приучить к настойчивой молитве, предлагая свои продолжительные богослужения, на утомительность которых многие ропшут. Таким образом, надо вопиять ко Господу день и ночь. Не следует приходить в отчаяние, если Господь медлит исполнить нашу просьбу.

Но зачем же нужны длинные, настойчивые молитвы? Разве молитвенный труд и долгое пребывание на молитве имеет какую-нибудь цену в очах Божиих, и разве Господь не слышит кратких, но искренних, горячих молитв? Несомненно, порой и моментальная молитва, приносимая от чистого сердца, бывает услышана Богом.

Но тем не менее продолжительная молитва нужна; нужна прежде всего для того, как говорит отец Иоанн Кронштадтский, «чтобы продолжительностью усердной молитвы разогреть наши хладные, в продолжительной суете закаленные сердца. Ибо странно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться тепло-

тою веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают* (обретают. — *Примеч. ред.*) его (Мф. 11, 12)».

Продолжительная молитва полезна даже в том отношении, что приучает нас к постоянному памятованию о Боге. Центром нашей внутренней жизни, как мы знаем, должен быть Бог, а психологически это выражается в том, что мысль о Боге постоянно и неразрывно связывается с нашим сознанием. Достигается же это посредством того, что человек сначала принудительно заставляет себя как можно дольше задерживаться на мысли о Боге. Продолжительная молитва, во время которой мысль непрерывно возносится к Богу и к Небу, и представляет собой одно из таких духовных упражнений. Она мало-помалу переходит в молитву постоянную и в сердцах опытных и много потрудившихся подвижников становится истощаемым и безостановочным родником молитвенных чувств и воздыханий, бьющим произвольно даже в часы сна. Сердце само начинает источать молитву, по свидетельству писателей-аскетов.

Наконец, нет лучшего средства для укрепления воли в духовном делании, как продолжительная молитва. Никогда так яростно не нападает сатана на человека, как во время мо-

литвы. Самую ожесточенную борьбу с помыслами приходится выдерживать именно во время молитвы, много труда требуется для того, чтобы прогнать навязчивые ненужные мысли и сосредоточиться молитвенно в Боге. Но эта борьба с помыслами, как и всякая борьба, и укрепляет волю, если ведется серьезно, настойчиво и потому успешно. Умение фиксировать или сосредоточивать внимание на одном предмете, которое вырабатывается этою борьбою в продолжительной молитве, и есть признак духовно сильной воли, и чем большая продолжительность такой сосредоточенности может быть достигнута, тем сильнее духовно человек. Говоря языком мистических понятий, чем чаще и решительнее христианин побеждает при этом духов тьмы, стремящихся отвлечь его от молитвы, тем более он укрепляется.

Развивается в продолжительной молитве и религиозное чувство, особенно чувство благодарности к Богу. Мы обыкновенно мало ценим то, что получаем слишком легко, и за то, что мы имеем от Господа без всякого труда с нашей стороны, мы редко благодарим. Но то, что достигнуто тяжелым, упорным трудом, мы храним и бережем как величайшую ценность. Поэтому и все дары и благодеяния Божии, испрошенные нами в настойчивой длительной молитве, мы особенно ценим и не относимся к ним с привычным пренебрежительным лег-

комыслием, как к вещам, доставшимся даром. А такое благоговейное и внимательное отношение к дарам Божиим, особенно к дарам духовным, необходимо для плодотворного пользования ими в жизни. С другой стороны, чем живее сознаем мы великую ценность того, что дарует нам Господь, тем более благодарным чувством наполняется наше сердце.

Но говоря о пользе и даже необходимости продолжительной молитвы, следует здесь сделать три чрезвычайно важных оговорки. Существуют известные обязательные условия, которые делают такую молитву плодотворной и при нарушении которых она приносит более вреда, чем пользы.

Во-первых, молитва, ее мысли, ее слова должны приковывать к себе все внимание молящегося, а это возможно лишь в том случае если напряженность и длительность молитвы соразмеряется с его силами. Духовные силы человека развиваются и растут постепенно. Поэтому тот, кто только что начинает жить духовной жизнью, не может сразу взять на себя слишком большое молитвенное правило. От этого может родиться только скука или переутомление. Совет опытного духовного руководителя, который указал бы подходящие размеры правила, очень важен в данном случае. Но, начиная с небольшого сравнительно правила, надо стремиться к тому, чтобы научиться

подолгу молиться и постепенно удлинять молитву по мере развития духовных сил.

Если, не сообразовываясь со своими силами, христианин возьмет на себя чрезмерный молитвенный труд, то обычным следствием этого бывает или уныние и полное расслабление, причем уже самое легкое правило кажется невероятно трудным и не исполняется, или же, наоборот, фанатизм, духовная гордость и ее наихудшее выражение — так называемая прелесть бесовская, то есть духовное самообольщение, подчиняющее не в меру ревностного подвижника духу бешеного самомнения и власти врага.

Смирение является вторым обязательным условием плодотворности всякой молитвы. На молитве, учит преподобный Исаак Сирин, будь как муравей ползающий, как дитя лепечущее. Не забудем, что *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5).

Наконец, третье обязательное условие плодотворности молитвы — это достойный предмет прошения. К глубокому сожалению, очень многие христиане смотрят на молитву не как на величайшее счастье единения и беседы с Богом, а просто как на средство получить что-нибудь нужное, и прибегают к ней лишь в бедствиях и затруднительных обстоятельствах, на Бога смотрят чуть ли не как на работника, просят часто о суетном, житейском, иногда ду-

ховно вредном. Конечно, на молитве можно высказывать все наши желания, даже мелочные и не имеющие значения для нашего преуспеяния духовного, ибо Господь как любящий Отец все выслушает. Но настаивать на исполнении желаний мы не можем по той простой причине, что *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26), и часто неразумно просим о том, что может послужить лишь к нашему вреду. Даже такие молитвы Господь иногда исполняет для нашего вразумления, если они предлагаются настойчиво, но ничего хорошего из нашего упорства при этом обычно не выходит. Сам Господь, прося в Гефсиманской молитве о том, чтобы миновала Его чаша страданий, прибавлял: *Впрочем не как Я хочу, но как Ты... Да будет воля Твоя* (Мф. 26, 39, 42).

Для нас это урок и образец молитвы. Просить настойчиво можно далеко не обо всем. В выборе предмета молитвы необходимо рассуждение.

Настойчиво, не ослабевая, безусловно, можно молиться о чистоте помыслов, о нравственном исправлении жизни; о том, чтобы Господь ниспослал мир в смущенное, раздраженное, беспокойное сердце; о том, чтобы Он привлек к Себе и спас близких нам людей, уклонившихся на стезю неправды; о собственном спасении: «имиже веси судьбами, аще хочу, аще не хочу, спаси мя»; вообще обо всем, что служит душевной пользе.

Но можно ли молиться о богатстве, когда нам полезна бедность? Можно ли просить о взаимности женской любви, если нам полезно томиться тоской неразделенной привязанности? Можно ли вздыхать на молитве о комфорте и удобствах жизни? Конечно, нет. Все это суета сует и всяческая суета (см. Еккл. 1, 2). Подобные просьбы могут лишь прогневать Господа. «У великого царя, — говорит один святой писатель, — и просить надо великого и полезного, а если ты просишь немного грязи, то этим ты только оскорбляешь Его».

Если мы не уверены абсолютно в духовной пользе просимого, то лучше всего предоставить исполнение просьбы на волю Божию.

Почитание родителей

Господь подчеркивает необходимость исполнения ветхозаветных заповедей и, в частности, важность пятой заповеди закона Моисеева о почитании родителей. Заповедь эта дана в Ветхом Завете, но Господь дает безусловное подтверждение ее обязательности для Своих последователей — христиан всех времен. С этой точки зрения слова Божии приобретают для нас особенно волнующий, захватывающий смысл, ибо отношения детей к родителям — это больной вопрос нашей современности. Кажется, никогда еще пятая заповедь Десятого заповедия не была в таком пренебрежении, и никогда еще родители не страдали так от детей,

как в настоящее время. *Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12), — так заповедал Господь через Моисея. *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу* (Кол. 3, 20), — свидетельствует апостол Павел в Послании к колоссянам.

Почему важна пятая заповедь и почему святые угодники так строго соблюдали ее?! Мы знаем, что все заповеди даны Господом для блага самого же человека. Они представляют собой те духовные основы жизни, утверждаясь на которых, человек может создавать себе счастье и прочную будущность.

Я вывел их из земли Египетской, — говорит Господь устами пророка, *— и привел их в пустыню, и дал им заповеди Мои, и объявил им Мои постановления, исполняя которые человек жив был бы через них* (Иез. 20, 10—11). То же следует сказать, в частности, и о пятой заповеди, она необходима прежде всего для нас самих. Во-первых, это лучшая школа послушания. Ничего не может быть проще, легче и естественнее, как научиться послушанию в семейной обстановке, в подчинении родителям. Это самое легкое послушание, которое знает жизнь. Если даже у строгих родителей оно соединяется с требовательностью и некоторой суровостью, отчего кажется порой трудно переносимым, то все же это чувство тяжести и неприятной принужденно-

сти смягчается родительской любовью и заботливостью. Родителям подчиняться легче, чем чужому человеку уже просто потому, что они — родители, самые близкие люди, потому, что мы им всем обязаны, потому, что даже внутренне не соглашаясь с их требованиями, мы все-таки знаем, что эти требования всегда преследуют нашу пользу, как бы их ни понимала родительская любовь.

Где вы найдете подобную школу? Но вы спросите, может быть, зачем же надо учиться послушанию? Разве оно необходимо для человека и для его счастья? О да! Если даже взять просто житейские отношения, то нетрудно заметить, что они представляют собой непрерывную цепь подчиненности в разной степени и в разной форме. Учитель, хозяин, начальник, власть, закон, государство — все требует послушания. Вся жизнь построена на этом, и от жизни никуда не спрячешься. Вот почему людям, недисциплинированным с детства и не привыкшим к послушанию в родительской семье, так тяжело и трудно живется: жизнь или сурово ломает их по-своему, или просто выбрасывает вон, как негодный мусор. Но это далеко еще не самое главное. Гораздо важнее то обстоятельство, что христианская жизнь должна быть не чем иным, как сплошным послушанием Богу. Жизнь — не игрушка. Это непрерывный процесс построения Царства Божия,

созидающегося под руководством Божиим. Мы все призваны к этой работе, и каждому из нас отведена в этом деле своя роль. Чтобы работа шла стройно и гармонично, необходимо, чтобы каждый из нас с сознательным подчинением принял свою роль из рук Божиих и работал там, где поставил его Господь. Конечно, мы свободны и можем или отказаться от этой работы совсем, или вести ее по своему произволу. Но в первом случае мы не можем попасть в Царство Божие, если не работаем над его устройством, во втором случае мы неизбежно наделаем массу ошибок и фальшивых шагов, которые могут привести к пропасти; или же для того, чтобы поставить нас опять на правильную позицию и привести нашу деятельность в согласие с законами постройки, Господу придется употреблять очень суровые меры, а это тяжело и больно. Поэтому чем полнее послушание Богу, тем правильнее идет наша христианская работа и тем легче жизнь по внутреннему ощущению, хотя бы внешне она была полна неудач и бедствий. К Божьему же послушанию лучше всего ведет школа родительского послушания. Вот почему она так нужна. Скажу более: сама суровость родительской дисциплины полезна для детей и желательна. Почему? Суровые испытания необходимы для духовного совершенствования, как огонь, очищающий металл. *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь*

(Мф. 7, 14). Но если эту школу скорби и испытаний мы не пройдем в детстве в родительской семье, то Господу ничего не останется, как подвергнуть нас испытаниям жизни, а это гораздо труднее, особенно без предварительной подготовки в родительском доме. Но если этот скорбный курс духовного воспитания в виде родительских наказаний и известной суровости отношений мы пройдем с детской покорностью в родном доме, то дальнейшие испытания часто оказываются ненужными, по крайней мере, наиболее острые и болезненные из них. Поэтому последующая жизнь идет сравнительно гладко во исполнение обетования Божия: *Благо ти будет, и да долголетен будеши на земли* (Исх. 21, 17). Строгость полезна еще и в другом отношении: как первая подготовка к борьбе с самоугождением, с похотью, со страстями. Чтобы вести эту борьбу и владеть собою, не уступая страстным порывам, необходимо так называемое духовное бодрствование, то есть известное постоянное напряжение духа. Но напряжение это на первых порах лучше всего достигается, когда вблизи чувствуется чей-нибудь строгий авторитет. Правда, тогда оно бывает принудительным, но, во-первых, все начальные шаги духовной жизни носят принудительный характер, а во-вторых, от этого она не теряет своего значения. Родительская строгость, поддерживая это напряженное внимание духа,

мало-помалу создает к нему навык, и это чувство нависшего над тобой сдерживающего авторитета, воспитываясь в родительской семье, остается потом на всю жизнь. Впоследствии оно легко переходит в чувство Всевидящего ока Божия, когда родительский авторитет в сознании человека уступает место авторитету Бога как высшему руководящему принципу жизни. Вот почему строгость родительская полезна для детей.

Отношения к родителям в духе пятой заповеди представляют лучшую школу любви к ближним. Любить ближнего отвлеченно, в теории, любить лишь на словах или в мыслях — сравнительно нетрудно. Но любить его делом, любить его не как поэтическую мечту, а как реальность жизни, часто грязную и непривлекательную, любить именно того ближнего, который находится около тебя, а не в далеких грезах, — это неизмеримо труднее. А между тем именно такая любовь требуется в христианстве, *станем любить не словом или языком, но делом и истиною*, — говорит апостол (1 Ин. 3, 18). И вот первым предметом такой практической, деятельной любви естественнее всего быть родителям. Только теоретики, мало понимающие духовную жизнь, могут говорить, что любовь к родителям — лишь особый вид любви к самому себе, новая форма личного самолюбия (Л.Толстой), и что поэтому, пренебрегая этой

любовью, надо стремиться любить все человечество. Это легко сказать, но таких скачков любви не знает. В действительности сердце учится любить, лишь постепенно расширяя круг любимых, начиная с самых близких и кончая дальними, чужими, посторонними. Поэтому естественный ход расширения любви приблизительно таков: сначала любовь к родителям, потом к братьям и сестрам, родственникам, друзьям, знакомым, согражданам, единоплеменникам и, наконец, как венец всего — ко всему человечеству. Вряд ли можно избежать необходимости пройти все эти ступени последовательно, и, по-видимому, тот, кто не умеет любить своих ближних, никогда не может иметь любви ко всему миру и ко всем людям, как бы горячо он ни говорил об этом.

Правда, в христианской жизни в развитии любви преобладают мотивы духовной, а не физической близости. Но это относится уже к сознательному возрасту, к периоду духовной зрелости. Для ребенка же и для ранней юности первой школой любви действительной, а не мечтательной являются все-таки отношения к родителям.

Непочтение детей к родителям — это страшная неблагодарность с их стороны. Подумайте, сколько терпит мать для своих детей! Сначала — муки рождения, потом бесконечный ряд забот и тревог, все волнует: болезнь ре-

бенка, необходимость ухода, беспокойство из-за посторонних дурных влияний, школьные неудачи, детские огорчения, постоянная мысль о будущей судьбе. Дети подрастают — новые думы: о подходящей партии для брака, о выборе карьеры, первые житейские разочарования и т. д. Все это мать переживает часто острее, чем дети. А если дорогое, любимое дитя попало на неверный, скользкий путь, гибнет в пучине порока и разврата, и нет сил его спасти, ему помочь? Сколько тогда горя и слез! Кто поймет и оценит эту голгофу матери! И в награду за все это дети обыкновенно отказываются от родителей. Горестная разлука всегда неизбежна.

С точки зрения общественной пользы, правильные отношения детей к родителям, то есть отношения, полные любви и покорности, также необходимы. Семью недаром называют основой общества. Из этих семейных ячеек строится все общество, и дух семейных отношений неизбежно ему передается. Там, где эти отношения нравственно портятся, семья начинает разлагаться, и вместе с тем начинает гнить общество, теряя прочность внутренних связей. В конце концов, все так называемые общественные добродетели первоначально воспитываются в основной ячейке — семье, представляющей миниатюрный образец общества. Если семья проникается духом эгоизма и лич-

ного себялюбия, то она выпускает из недр своих тоже эгоистов, которые в общественной жизни становятся лишь элементами распада и разложения.

Родители, наконец, являются орудиями Творца для продолжения человеческого рода. Поэтому и почитать их надо как таковые орудия, которыми Господь благоволит пользоваться для Своих целей. Молитва родителей и их благословение имеют великую силу в очах Божиих, как будто Сам Господь признает за ними особые права над детьми.

Давая такую власть родителям, Господь тем самым напоминает обязанности к ним детей. Обязанности эти по православно-христианскому учению таковы:

- 1) почтительность к родителям,
- 2) повиновение им,
- 3) питание в старости или когда они вообще неспособны к труду,
- 4) молитва постоянная в течение всей жизни,
- 5) поминовение после смерти.

Почтительность к родителям обыкновенно вознаграждается через ваших же собственных детей. *Почитающий отца будет иметь радость от детей своих*, — говорит премудрый (Сир. 3, 5). Наоборот, неуважение к родителям и на детей навлекает те же последствия.

Одержимость

Веря несомненно в существование бесов, что подтверждается и словом Божиим, и духовным опытом всех святых подвижников, мы сталкиваемся далее с чрезвычайно интересным и важным для нас вопросом — о проявлениях их деятельности и о способах борьбы с ними.

Нам надо знать того врага, с которым у христианина идет постоянная, непримиримая борьба, знать его уловки, его коварство, его приемы, уметь различить его козни там, где он пытается спрятаться и действовать из-за угла. Борясь ощупью, с завязанными глазами, мы неизбежно будем впадать в многочисленные ошибки и подвергаться опасным искушениям и чувствительным ударам с той стороны, откуда менее всего ожидаем.

Проявления деятельности духа злобы в несчастном одержимом человеке, по описанию святого Марка, ужасны: *Он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни (Мк. 5, 3—5).*

Это наиболее сильная форма беснования, когда человек теряет над собою всякую власть и находится всецело в подчинении у демонов.

Его действия обличают потерю не только рассудка, но и самых элементарных инстинктов, даже инстинкта самосохранения. Злой дух не отпускает свою жертву ни на один момент, и по силе припадков можно действительно видеть, что в несчастном одержимом скрывается не один бес, а целый легион. Такая форма беснования встречается в настоящее время сравнительно редко. Но кому приходилось бывать в святых местах, особенно при открытии мощей святых угодников, тот, вероятно, мог наблюдать и такие случаи.

Значительно чаще встречаются случаи периодической одержимости, припадки которой связываются обыкновенно с известными моментами богослужения или с определенными церковными песнопениями.

Вероятно, всем известны так называемые кликуши, которые во время «Херувимской», «Тебе поем» и поклонения Святым Дарам начинают лаять по-собачьи, мяукать и кричать диким истошным голосом. Эти крики переходят в страшный вопль и звериный вой, если их пытаются силой подвести к Святым Дарам.

Но не только в таких явно ненормальных проявлениях сказывается одержимость. Есть целый ряд явлений, которые считаются у нас самыми обыкновенными, ни в ком особых подозрений и тревоги не возбуждают и которые, тем не менее, несомненно связаны с деятельно-

стью злого духа. Это так называемые аффекты, или вспышки разнообразных страстей.

Особенно заметно присутствие посторонней враждебной силы в припадках бурных, разрушительных страстей: гнева, ревности и т. п. Почти все убийцы, прикончившие свою жертву в минуты раздражения и запальчивости, рассказывая об этом впоследствии, говорят, что они чувствовали в этот момент, будто «кто-то схватил их за сердце». Вероятно, каждый из нас, если ему приходилось когда-либо переживать подобные взрывы ярости и гнева, согласится, что он чувствовал приблизительно то же и что им владела какая-то сила.

В литературно-художественных описаниях аффектов вы почти всегда найдете этот момент потери самообладания и ощущение непреодолимости чего-то сильного, властного. Почти то же влияние посторонней злой силы чувствуют самоубийцы перед роковым шагом.

Но кроме этих тяжелых и резких явлений, которые захватывают нас лишь временами, мы постоянно находимся под действием какой-то темной силы, которая людьми чистого сердца и праведной жизни ощущается определенно как сила дьявола, но нами, нравственно огрубевшими, грешными людьми, обыкновенно не замечается. Эта сила сказывается главным образом в навязчивых мыслях и соблазнительных образах, что на аскетическом языке носит на-

звание «прилогов диавольских». Неизвестно, откуда появляются эти мысли и образы, властно захватывающие сознание и часто руководящие нашей деятельностью.

Люди, духовно невоспитанные, обычно принимают их за собственные мысли и желания и не только не считают нужным с ними бороться, но, если они окрашены чувственно-приятным тоном, сами их снова вызывают, когда они исчезают, услаждаются ими, задерживая в сознании, и напрягают свою фантазию, чтобы разукрасить их еще привлекательнее новыми подробностями. Это не воспоминания прошлого, не построение сознательной мысли, не продукты подсознательной деятельности воображения, как их иногда называют (определение, кстати сказать, не объясняющее ровно ничего), это несомненное внушение посторонней духовной силы. Отчетливее всего это чувствуется во время молитвы, когда навязчивые мысли начинают особенно настойчиво тесниться в сознании, как будто стараясь заслонить Бога от духовного ока молящегося. Лишь большим напряжением воли удастся удержать внимание на святых словах молитвы. Многим, особенно тем, кто не привык к духовной борьбе и напряжению, это совершенно не удастся.

Но лишь только кончится молитва, все эти пестрые, несвязные мысли тотчас исчезают, как облака, развеянные ветром. Часто вы даже

не вспомните о том, о чем думали во время молитвы и что казалось тогда необычайно важным и нужным, требующим обязательно серьезного обсуждения.

Это обстоятельство лучше всего доказывает присутствие в навязчивых мыслях посторонней силы, враждебной по отношению к молитве.

Наконец, влияние злой силы сказывается и во многих других явлениях духовной жизни. «Несомненно, — пишет отец Иоанн Кронштадтский, — что диавол в сердцах весьма многих людей сидит какою-то сердечною вялостью, расслаблением и ленью ко всякому доброму и полезному делу, особенно к делу веры и благочестия, требующему сердечного внимания и трезвения, вообще духовного труда. Так он поражает сердце вялостью, а ум тупостью во время молитвы; так он поражает сердце холодностью и бездействием сердечным тогда, когда нужно сделать добро, например, сострадать страждущему, помочь в беде находящемуся, утешить печального, научить невежду, наставить на путь истины заблуждающегося и порочного... Диавол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильною раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого».

Таким образом, деятельность злого духа в человечестве проявляется чрезвычайно разнообразно, начиная ярким выражением одержимости или настоящего беснования, когда человек вполне подчиняется злой воле до потери инстинкта самосохранения, и кончая почти неуловимыми веяниями лукавой мысли и чувства, где лишь зоркий глаз опытного подвижника может рассмотреть наличность демонского искушения. Но все это — факты одного порядка, различающиеся между собою лишь степенью силы злого влияния.

Борьба с духом злобы

Если деятельность злой силы постоянна и неутомима, то нам приходится серьезно задуматься о том, как бороться с ее влиянием, хотя бы мы его и не ощущали. В противном случае наша духовная работа над собой на пути к христианскому совершенству будет серьезно затруднена и может свестись к нулю.

Прежде всего, где найти опору для этой борьбы? Евангельский отрывок (см. Мк. 5, 2—20) отвечает на этот вопрос определенно: во Христе. У Господа нашел исцеление несчастный евангельский бесноватый, и силою Его Божественного слова был изгнан легион бесовский. Победитель ада и смерти, Господь и теперь является нашим быстрым и могущественным

защитником, перед которым трепещет и которому повинуются нечистый дух. Вся борьба с духом злобы во всех его проявлениях держится на живой связи с Богом и Господом Иисусом Христом.

«Никто из святых, — пишет святой Иоанн Кассиан, — не мог бы выдержать злость демонов или устоять против их наветов и свирепой ярости, если бы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший заступник и подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набеги врагов» (см. 1 Кор. 10, 13).

Таким образом, вся борьба с духом злобы во всех его проявлениях держится на живой связи с Богом и Господом Иисусом Христом. С первых же шагов необходимо твердо помнить, что собственными личными силами ни один человек выдержать этой борьбы не может и неизбежно будет побежден, если не обратится за помощью к Богу. Самомнение, самоуверенность здесь роковым образом ведут к гибели и заранее обречены на позорное поражение.

Главным оплотом нашим в духовной брани является, следовательно, вера и надежда на Бога и Господа Иисуса Христа и главным средством борьбы — сердечное с искренней верою обращение к Нему. В минуту уныния, минуту смущения, в минуту страсти, возбужденной в тебе

демоном, вздохни от глубины души и воззови сердцем к Господу о помощи, и Господь тебя не оставит и поможет.

Самое призывание имени Господа Иисуса Христа, если оно делается с верою, уже страшно диаволу. *Именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16, 17), — обещал Господь Своим последователям, и это обещание неложно.

Другим оружием против диавола, которое также связано с нашей верой в Господа, является крестное знамение.

Но для того чтобы мы могли применять указанные средства в борьбе с диаволом, необходимо еще одно условие в нашей духовной жизни, бодрствование, или внимательное наблюдение за собственными мыслями и настроениями. Как зоркий часовой, наш внутренний человек должен следить за приближением врага, чтобы знать минуту надвигающейся опасности, когда следует браться за спасительное оружие.

Необходимо все время ясно сознавать, что злой и нечистый дух всегда около нас и всегда готов к нападению. К сожалению, этого-то ощущения у громадного большинства людей нет совершенно. Для многих, особенно для так называемых культурных людей нашего времени, сама мысль о существовании диавола и о том, что они находятся у него в бессознательном повиновении, покажется странной

и смешной. Они вполне уверены, что все мысли и желания, рождающиеся в их душе, принадлежат их собственному «я» и что в управлении ими они совершенно свободны и самостоятельны. Конечно, диавол всеми мерами поддерживает эту иллюзию, ибо слепых рабов гораздо легче держать в подчинении. Считая свои мысли, желания и настроения собственным достоянием и не сознавая, что они в значительной степени навешаны посторонними силами, человек с трудом отказывается от них, ибо против этого восстают его гордость и самолюбие под предлогом якобы защиты прав свободной и независимой личности. При таких условиях о необходимости контроля и сознательного, планомерного отбора мыслей и желаний никто из нас серьезно не думает, тем более, что мысль, как бы гнусна и дурна ни была, преступлением не считается. Эта точка зрения меняется постепенно лишь тогда, когда человек начинает жить действительно христианской жизнью и принужден бороться за нравственное совершенство. До тех пор мы за мыслями обыкновенно не следим. Вот почему они тянутся через поле нашего сознания такими несвязными нестройными веренищами, то вялые, тусклые, бесцельные, то лукавые, тщеславные, обыкновенно суетные, иногда злые и преступные. А между тем сюда-то и должно быть обращено самое настороженное внимание христианина, ибо

именно в этой области мысли и чувства и происходит соприкосновение нечистого духа с душою и здесь-то находятся рычаги его влияния на волю человека. Сатана не может принудить человека к злой деятельности; он может его только соблазнить, то есть или обмануть кажу-щейся благовидностью мотивов, или увлечь мыслью о наслаждении и приятных последствиях греха.

Но как разобраться в мыслях и желаниях? По каким признакам отличить те из них, какие внушены диаволом? Как почувствовать прикосновение к душе и веяние злого духа?

Люди более опытные в духовной жизни ощущают это непосредственно по какой-то неизъяснимой тесноте, смущению, тяжести, беспокойству в душе. Как говорит преподобный Макарий Египетский, «как уксус с вином на вид одинаковы, но гортань чувством вкуса различает свойство того и другого, так и душа по самому духовному ощущению и действительности может различить дарования духа и мечтания диавола».

Но это на высших ступенях. Для нашей грубой, омраченной души это недоступно. Достаточно, если на первых порах мы ограничимся качественным анализом помышлений, то есть проверкой их нравственной ценности, и будем отсекаать те из них, которые явно и определенно противоречат заповедям Божиим.

Что касается вспышек грубых страстей, то наличие их чувствуется всеми безошибочно, и тогда надо быть особенно осторожным. «Когда ощутишь, что в сердце твоём не стало мира из-за пристрастия к чему-нибудь житейскому, а вместо того в нём дышит раздражительность и злоба, стань тотчас на страже сердца и не давай наполнить его дьявольскому огню. Молись сердечною молитвою и укрепляй Божиею силою страстное, нетерпеливое сердце свое. Будь твердо уверен, что злодышущее разжжение сердца есть дело врага» (отец Иоанн Кронштадтский).

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение (Мф. 26, 41). Так завещал Господь Иисус Христос.

Исповедничество

Путем исповедания и открытого свидетельства о явлениях силы Божией в жизни людей и укрепляется в человечестве вера в Бога и в Его промыслительную деятельность, а вместе с тем растет и расширяется круг лиц, составляющих Церковь Христову. *Как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?.. Итак вера от слышания* (Рим. 10, 14, 17), — говорит апостол Павел.

Следовательно, открытое исповедание веры в Бога во многих случаях является для христиа-

нина обязанностью, и отказ от такого исповедничества часто равносителен измене Христу.

Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, — говорит Господь, — того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным (Мф. 10, 32—33).

Особенно в години общего упадка веры или преследования религии важно и нужно исповедничество. Пример одного мужественного человека, открыто, несмотря на насмешки и гонения, исповедующего веру в Бога и Господа Иисуса Христа, поддерживает ее в слабых, колеблющихся сердцах и укрепляет робкие души на подвиг защиты религии и страдания за имя Христово. В такое тяжелое критическое время измена Христу и отречение от Него становится особенно позорным.

Когда страдает в гонениях Церковь Христова, наша нежная, любящая мать, воспитавшая нас своим богослужением и уставами, вскормившая нас своим учением, вспоившая нас в Таинствах из источника благодати Святого Духа, покидать ее в эти минуты скорби и преследований, отрекаться, вместо того чтобы защищать, особенно позорно. И свойственно душам низким и маловерным.

Наоборот, какую дивную картину благородства, верности, честности представляет исповедничество христианских мучеников первых

веков в годы гонений! У всех один порыв, одно чувство, одна великая любовь ко Христу... Им предлагают за отречение славу, богатство, сказочное благополучие, словно надбавляя ставку, словно желая испытать, до какого предела может дойти безумие христиан, — ничто их не прельщает. Нет той цены, за которую они могли бы изменить Христу и продать веру свою. Это-то исповедничество и распространяло веру; на крови мучеников росла и расцветала Христова Церковь.

Века открытых гонений и мучений за веру Христову прошли. Но развитие и дальнейшее укрепление Церкви Христовой по-прежнему требовало исповедничества мужественных и сильных духом людей, ибо борьба злой силы против Церкви не прекратилась, но приняла лишь другие формы: к насилию присоединились коварство и обман. Наступала эпоха ересей.

И в это время мы видим опять целый ряд стойких борцов за веру истинную, защищавших Церковь смелым, сильным, прямым словом, не считаясь с грозившими им опасностями. Вот Афанасий Великий. Его выдвинула борьба с арианством, первой злостной попыткой лукавого ума опровергнуть православное учение о богочеловечестве Христа, объявив Его тварным созданием. Почти всю свою жизнь святой Афанасий боролся с этой ересью, принимавшей по временам угрожающие размеры.

Бывали моменты, когда гонимое Православие покоилось почти на одном Афанасии. Значительную часть жизни он провел в изгнании, но ничто, никакие натиски бури его не сокрушили. Он сохранил и передал грядущим векам учение веры в ненарушимой чистоте.

Далее эпоха иконоборчества. Это было гонение не только против икон, но и против иночества, против церковных установлений, против всего, что налагает узду на страсти. Гонение, поддерживаемое несколькими императорами подряд, велось с озлобленной жестокостью, без разбора средств. И только маленькая горсть верных Церкви людей, смело возвысивших свой голос в защиту древних установлений, отстояла иконопочитание. В этой самоотверженной борьбе за чистоту веры особенно заметны два героя исповедничества: святые преподобные Феодор Студит и Иоанн Дамаскин.

Да, это были люди! И каким укором веет на нас от этих цельных, светлых образов в наше время, в нынешней смуте, восстающей на Церковь, на церковные установления, на Христа.

А как нужно теперь исповедничество! Какое великое значение в жизни Церкви имеет иногда открытое исповедание веры или смелое слово обличения неправды даже одним мужественным человеком.

Особенно важны примеры стойкой веры и открытого исповедания для молодежи, кото-

рая часто ищет и не находит опоры в своих религиозных устремлениях. Представьте себе молодого человека, заброшенного в неверующую среду. Быть может, в его душе и есть правильные устои веры, заложенные еще в семье, но ведь все это, все его духовное мировоззрение находится только в состоянии формирования и потому неустойчиво. Отрицательные впечатления полного безразличия к вере или легкомысленной критики лезут со всех сторон на неокрепший мозг, и капля по капле исчезает детская вера. Для такого юноши найти опору для борьбы с окружающей религиозной холодностью в примере сознательно верующего человека — великое счастье. Некоторые, хотя, к сожалению, немногие, верующие понимают это и не скрывают своих религиозных убеждений.

Если от этих образов великих и малых исповедников мы перенесем внимание на свою жизнь, то, наверное, найдем иную картину. Мы не только не считаем нужным открыто исповедовать свою веру, но, напротив, часто тщательно скрываем свои христианские убеждения, как будто стесняясь и стыдясь их. Многие, привыкшие осенять себя крестным знаменiem, проходя мимо храма, иногда боятся снять шапку и перекреститься, если на них смотрят или если вблизи они заметят знакомого неверующего насмешника. Какая-то странная трусость, наваянная, несомненно, духом лукавым, овладевает

ими иногда! Показаться смешным в глазах этого скептика-недоучки, щеголяющего модным либерализмом воззрений, — это ужасно!

Так велика эта боязнь насмешки и опасение показаться отсталым, что иногда искренно верующие люди, особенно городского интеллигентного круга, вместо хорошей иконы с лампадой на видном месте вешают маленький, едва заметный образок где-нибудь в углу, да еще под цвет обоев, чтобы сразу и разглядеть было невозможно. Помилуйте! Придут гости, знакомые, интеллигенция... осудят!

Разве это не отречение? — *Не знаю Человека Сего!* (Мк. 14, 71).

Случается порой, что в веселом обществе рассказывают так называемый смешной анекдот, полный самого возмутительного кощунства, и никто из присутствующих не остановит рассказчика, не выскажет своего негодования против оскорбления религиозного чувства. Не уважаем мы своей религии!

Особенно в настоящее лукавое время, когда против Православия ведется такой ожесточенный поход, выясняется все более, как мало мы дорожим верой своих предков. Широкой волной разливается отступничество, захватывая не только молодежь, но иногда и стариков. Изменяют Православию и Церкви чрезвычайно легко, по самым незначительным причинам. Желание карьеры, боязнь притеснений, служеб-

ное положение, дерзкие насмешки, легковесные quasi-научные доклады — все это признается извинительным поводом для отступничества, по крайней мере внешнего. Если сравнить с этим настроением силу веры первых христиан эпохи гонений, то сравнение это будет далеко не в нашу пользу. Как дорожили тогда христианством! Какие цельные, сильные, прямые и честные натуры вырабатывала эта глубокая преданность религии, и как дрябло и бессильно современное общество, носящее христианский ярлык! Как мало в нем блесок, не говорю — евангельских, но просто духовных ценностей!

Итак, исповедничество для православного христианина в настоящее время необходимо и неизбежно. Гонят Церковь — должны и мы нести гонение. Терпит Христос — должны терпеть и мы, разделяя Его страдания, ибо *кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38), — говорит Он.

Формализм

Мы никогда не ценим того, к чему слишком привыкли. Привычный предмет уже не возбуждает того напряженного внимания, с которым мы встречаем новинку. Даже чудесное в силу привычки начинает казаться обыкновенным. Человек, слишком хорошо нам знакомый, не может рассчитывать на чересчур высо-

кую степень нашего уважения и почтительного удивления, которое мы готовы подарить тому, кого знаем лишь поверхностно, понаслышке. Некоторая доля неизвестности всегда повышает тон отношения. Жених преклоняется перед невестой гораздо больше, чем муж перед женой, а лакей, говорят, никогда не уважает своего барина.

Этот же закон действует и в духовной жизни. Для христианина, посвятившего свою жизнь служению Господу Богу, всегда есть опасность потерять свежесть своего чувства к Нему благодаря привычке и заменить искреннее, сердечное служение формальным, механическим, часто небрежным исполнением религиозных обязанностей.

Это случилось с еврейским народом, которому пророк Исаия бросает тяжелый упрек: *Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не постились в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте* (Ис. 58, 3—4). Это же случилось и с руководителями еврейства, книжниками, фарисеями и священниками, которым Господь с горечью говорит: *Вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 28). *Знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу* (Ин. 5, 42).

То же самое, к великому сожалению, случается нередко и с нашими священнослужителями. Привыкая к таинствам и священнодействиям, они перестают в них чувствовать веяние Святого Духа, теряют всякое благоговение к ним и все свое служение Богу начинают ограничивать бездушным и спешным совершением служб и треб. Особенно трагически сказывается этот закон привычки на наших певчих, церковных прислужниках и детях духовенства. Это объясняется именно тем, что, привыкая к храму, они начинают чувствовать себя в нем как дома и совершенно забывают о невидимом присутствии в нем Великого, Всемогущего, Всеправедного Творца.

Но и с каждым верующим может случиться эта потеря живой веры и живого чувства к Богу, и опасность особенно велика для тех, кто по своему положению обязан нести длительный и утомительный труд служения, не имея понятия о законах духовной жизни и не пользуясь указаниями опытных людей.

Это состояние духовного огрубления или одичания очень тяжело и опасно, ибо выйти из него опять на правильную дорогу гораздо труднее, чем встать на эту дорогу только что начинающему новичку. Переучивать снова неправильно выученное всегда труднее, чем заучивать что-нибудь новое, еще незнакомое, ибо здесь приходится сначала разбить укоренившуюся

привычку, что отнимает много сил и времени. Это — азбука педагогики. Если ученику музыки с самого начала дана неправильная постановка руки и пальцев, то освободиться от этого недостатка и перейти на правильную методику представляет впоследствии очень большие трудности. Чтецы, перебившие язык на спешном чтении, проглатывающие целые слоги до потери смысла, часто до конца жизни не могут научиться читать внятно и отчетливо. Точно так же и в духовной жизни, и в служении Богу.

В этом состоянии потери живого ощущения Бога вся внешняя деятельность, имеющая по видимости целью приблизить к Нему человека, осуждена на полную духовную бесплодность. Прежде всего молитва, одно из главных средств духовной жизни, перестает быть действенной. Наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят. *Приближаются ко Мне люди сии устами своими, — говорит Господь, — и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня* (Мф. 15, 8—9). Более того, такая молитва прогневляет Бога.

Добросовестное делание

Если христианин не вкладывает в свое служение Богу всего внимания, всего рвения, всей сердечной теплоты, на которую способен, то

в нем скоро начинает развиваться привычка к небрежному и поверхностному исполнению религиозного долга. До этого человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к коему надо всегда принуждать себя, ибо Царствие Небесное, сказано, нудится, он начинает больше молиться устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче и, наконец, при усиленной борьбе плоти и диавола, молится устами, не доводя до сердца силы слов молитвенных. Что сказано о молитве, то следует сказать и о причащении Святых, Бессмертных и Животворящих Таин. Часто сначала человек причащается с живою верою, с чувством любви и благоговения, а потом, при непрестанном противодействии плоти и диавола истине Божией, уступает им победу над собой и причащается лицемерно... Это же бывает и с Таинством покаяния. Это же бывает и со всеми проявлениями религиозной жизни, если христианин не принуждает себя к напряжению духовных сил.

Так создается гибельная привычка. Но привыкнуть можно и к дурному, и к хорошему. Можно привыкнуть к небрежности, и тогда вся религиозная жизнь становится холодной и мертвенно-формальной. Животворящий дух, таящийся в святых словах молитвословий, в та-

инствах и в других религиозных формах, не проявляет себя для души нерадивой, ленивой и холодной и на нее не действует. Но можно, наоборот, создать себе привычку благоговейного, истового, сердечного исполнения всех религиозных обязанностей, и тогда для нас откроется в них неистощимый родник благодатной силы, оживляющей и укрепляющей в жизнь духовную. Отсюда вывод: если мы хотим избежать духовного огрубения, если хотим, чтобы молитвы, таинства, обряды, весь ритуал религии не потерял для нас от частого повторения Духа жизни и не превратился в пустую формальность, ничего не говорящую душе, если хотим, наконец, чтобы самые добродетели наши, если таковые имеются, не превратились в лицемерное ханжество, то средство против этого состоит прежде всего в том, чтобы с самого начала духовной жизни исполнять все, чего требует христианский долг, с величайшей старательностью и вниманием, с напряжением всех духовных и физических сил, не позволяя себе разлечения и небрежности.

Здесь нет мелочей, не стоящих внимания, ибо из мелочей создается великое, весь тон духовной жизни, и поэтому каждая подробность требует тщательного и аккуратного выполнения. *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7), и самая незначительная небрежность в отношении к Нему непременно отразится ущербом в ва-

шей духовной жизни. Поэтому что бы вы ни делали в деле служения Ему, делайте изо всех своих сил; то, что сделано кое-как, никогда не бывает сделано правильно. Требуется добросовестное делание.

А для того чтобы поддерживать в себе эту ревность и не ослабевать, надо иметь всегда живую веру, что Бог наш в Троице покланяемый, Отец, Сын и Святой Дух, всегда с нами, взирает на нас и по первому слову нашей искренней молитвы о помощи готов помогать нам в святом деле. Памятуя, что Вседержитель всегда с нами, и имея Его самым делом в мыслях своих, отвергая от сердца своего всякие помыслы, сомнения житейские, попечения и пристрастия, мы всегда будем достойно совершать Божие дело.

Наиболее ярким примером такого добросовестного делания являются ученики и апостолы Господа. Отправляясь на проповедь, они не берут ничего в дорогу, кроме одного посоха — ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, ни двух одежд, — обуваются в простую обувь (см. Мк. 6, 8—9). Ничто не должно им мешать, ничто не должно связывать и отвлекать от того дела, на которое Господь их посылает. Все внимание, все силы, все их существо отдается исключительно Богу и Божью делу.

Этот пример должны и мы постоянно иметь перед глазами и помнить грозное предостере-

жение: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно* (Иер. 48, 10).

Законы развития страсти

В истории казни Иоанна Крестителя, о которой повествует святой евангелист (см. Мк. 6, 14—29), перед нами рисуется трагическая фигура Ирода, убийцы великого пророка. Как допустил Ирод это убийство? Как мог дойти он до такого состояния, что вопреки своим сердечным склонностям принужден был согласиться на страшное требование Саломеи и по ее приказанию отрубить голову пророку?

Выяснить законы развития порока и страсти для нас очень важно, ибо в душе каждого человека они действуют приблизительно одинаково, и на примере Ирода мы можем выяснить условия наших собственных падений.

Дело начинается похотью, нечистою любовью к Иродиаде, снохе Ирода, жене его брата Филиппа. Нисколько не заботясь о том, чтобы остановить развивающуюся преступную страсть, Ирод скоро переходит к делу, легко переступает через первое препятствие и жену брата своего делает своей женой. Этот первый шаг уже достаточно ясно показывает, насколько развилась страсть в его душе, ибо сила страсти измеряется величиной преодолеваемых ею препятствий; другими словами, чем труднее пре-

пятствие, побежденное страстью, тем о большей силе страсти это говорит. Но, победив первое препятствие, Ирод сейчас же встречается с другим — обличительною проповедью Иоанна Крестителя, который говорил: *Не должно тебе иметь жену брата твоего!* (Мк. 6, 18). Подстрекаемый Иродиадой, он берет под стражу пророка, которого уважает, и заключает в темницу — яркий показатель того, как далеко зашла его страсть. Наконец, в сцене с Саломеей он уже почти совсем не владеет собою. Напряженное до последней степени сладострастие отуманивает его, и он дает свою безумную клятву. Он уже полный раб страсти! Так при отсутствии сопротивления усиливается страсть, захватывая в свою деспотическую власть человеческую душу. Наряду с этим мы замечаем и другое явление: один вид допущенного греха вызывает множество других. В данном случае вслед за блудною похотью является вероломство по отношению к брату, кровосмесительное прелюбодеяние, несправедливость, жестокость, насилие по отношению к Иоанну, суетная клятва, тщеславие перед гостями, ложное самолюбие и, наконец, убийство. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что искушения, представляющиеся Ироду, становятся все серьезнее, а преступления тяжелее.

Таким образом, мы видим, как постепенно петля греха затягивается все туже и туже и как все меньше и меньше остается надежды на то,

что попавший в нее человек сумеет от нее освободиться. Положение становится почти безысходным, когда в душе исчезают последние силы и даже желание разорвать эту петлю, и убийство или другое преступление, не менее тяжелое, является тогда лишь естественным следствием, неизбежным заключительным аккордом разнуздавшейся страсти.

Всматриваясь в процесс развития искушений, как он обрисован в евангельской повести об Ироде, можно найти здесь тройной закон, которому подчинено это развитие, если оно не встречает противодействия в сознательной воле человека.

Первый закон можно назвать законом усиления. Он состоит в том, что сила страсти, ее интенсивность и власть над душой растет прогрессивно, по мере того как ей делаются уступки. Уступки ее не успокаивают, но делают лишь более требовательной и властной. Человек, допустивший грех однажды, нравственно слабеет и при повторном искушении совершает его с большей легкостью, чем тот, кто устоял в первой борьбе. Воля человека укрепляется своими победами и ослабляется поражениями — это закон психологии. Нравственная течь, просочившаяся раз в душе, скоро превращается в бурный поток и разрушает всю плотину морального закона совести, если с нею не бороться. Уступки и падения играют здесь роль сухого хвороста, который вы подкидываете в костер.

Чем больше бросать, тем больше и ярче становится жадное пламя. Чем больше грешить, тем сильнее разгорается страсть.

Второй закон — расширения страсти. За одним грехом неизбежно следует ряд новых. Одна страсть, разгораясь в душе, вызывает к жизни и другие страсти, как будто между ними существует какая-то незримая, таинственная связь. Успех одной страсти точно служит сигналом для других, и все они сразу или одна за другой спешат обрушиться на несчастную душу, точно желая добить ослабевшего противника. Здесь как на войне: прорван фронт в одном месте — и сейчас же неприятель массами устремляется в прорыв, чтобы расширить и закончить поражение. Один червячок страсти, если его не истребить вовремя, может размножиться в громадном количестве, порождая новые пороки, захватывая все стороны души и подтачивая ее здоровые ткани. Причина этого — в ослаблении веры. Побежденная одним грехом, воля теряет силу сопротивления и легко уступает другим. В глубине человеческой души всегда существует грех в виде самых разнообразных порочных наклонностей и страстей. Эти страсти кипят и бурлят, как в котле, ища выхода. Но если человек не уступает им, то его воля играет тогда роль тяжелой свинцовой крышки котла, которая не выпускает бушующий пар. Но стоит лишь немного приподнять — и в образовавшуюся щель, как бы мала она ни была, с силой

устремляются все страсти, существующие в душе. Уступив таким образом, человек тем самым разнуздывает и другие страсти и справиться с ними уже почти не в состоянии.

Третий закон — углубления страсти. Действие его состоит, во-первых, в том, что способы удовлетворения разыгравшейся страсти, охватившей душу, становятся все хуже и нравственно безобразнее. Страсть становится все требовательнее, капризнее, причудливее. Она уже не удовлетворяется обычными формами греха, но ищет новых, более утонченных, способных более возбуждать истрепанные и притупившиеся нервы. Так блудная страсть часто осложняется жестокостью, переходя в садизм. Чревоугодие требует все новых и новых, более изысканных и замысловатых кушаний. Кроме того, тот же закон углубления проявляется иногда и иначе. Ради удовлетворения растущей страсти человек начинает делать преступления все более и более тяжелые. Он жертвует для нее всем, всеми моральными ценностями, которые еще сохранились в его душе. За борт жизни выбрасывается все, что мешает страсти: нравственные привычки, убеждения и принципы, веления долга и религии — все летит вон, начиная с менее важного и кончая самыми крупными ценностями. Рассматривая законы, действующие в процессе развития страсти, мы без труда можем заметить, что общим, главным, основным условием, от которого зависит весь

этот процесс, является отсутствие твердых нравственных правил и исключительное служение своему эгоизму, своему «я».

Борьба со страстями

Чтобы успешно бороться с неприятелем, необходимо знать его приемы, уловки и методы.

Во-первых, для успешной борьбы со страстью прежде всего необходимо иметь прочные нравственно-религиозные устои. Без этого борьба совершенно невозможна. Где в противном случае найдет человек точку опоры и во имя чего он будет бороться? В своей собственной личности? Во имя хотений своего «я»? Но ведь здесь-то и находится самый очаг страсти, и в борьбе с нею опираться на собственные желания и склонности — это все равно что, борясь с блудом, дружить с проститутками и у них искать нравственной поддержки. Пытаться найти эти устои в пользе или выгоде общества тоже бесполезно, потому что «общественная польза» — понятие слишком шаткое, расплывчатое, разными людьми понимается различно и подлежит бесконечным изменениям в зависимости от обстоятельств и условий времени. Нравственные законы приобретают для человека безусловную обязательность и неизменность лишь тогда, когда он сознает их надмирное происхождение и слышит в них голос Бога. Только в этом случае они имеют аб-

солютную прочность и непререкаемый авторитет. На языке Церкви такое настроение, скрепляющее нравственный закон, называется «страх Божий». Страх Божий является, таким образом, основой нравственности и опорой в борьбе со страстью.

Но если это настроение, заставляющее душу человека подчиниться нравственным правилам, возможно до известной степени в каждой религии, то другое условие, подкрепляющее человека в борьбе со страстями во имя нравственного закона, имеется налицо только в христианстве: это та благодатная сила, та незримая, но постоянно ощущаемая помощь, которую Господь подает борющемуся грешнику, призывающему Его святое имя.

Вы хотите выбраться из трясины страсти, которая вас засасывает? Возьмите руку Христа! Когда вам изменяют силы и гибнет последний луч надежды на духовное освобождение, обратитесь лично к Господу. Обратитесь с теплою сердечною молитвою — и, поверьте, ваш призыв не останется тщетен. Не замедлит просимая помощь!

Итак, первое правило для борьбы со страстью: борьба эта может вестись успешно только на религиозной почве под знаменем надежды на Господа Иисуса Христа. В этой надежде главная опора и сила христианина!

Во-вторых, борьбу лучше начинать тогда, когда страсть еще не вышла из первой стадии

своего развития — из области мысли. Боритесь, как только почувствуете первый позыв какой-либо страсти, как только мелькнула о ней первая мысль. Когда страсть начнет осуществляться на деле и когда, подчинясь ей, вы уже сделаете что-нибудь для ее удовлетворения, тогда остановить ее неизмеримо труднее. Даже в том случае, если вы уже пали, совершив грех на деле, если даже начали привыкать к нему, все же дальнейшая, самая энергичная борьба должна вестись в области мысли. Отталкивайте от себя самый образ греха и позыв к нему, как только он появится в мыслях. Научитесь побеждать страстную мечту, ибо здесь корень греха. Как лучше и целесообразнее это делать? Лучше бороться с мыслями не отрицательными, а положительными методами. Твердить про себя: «Не буду об этом думать! Не хочу! Не допущу!» — это мало помогает. Лучше попытаться думать о чем-нибудь другом и дурные мысли заменить хорошими. Полезно на этот случай что-нибудь уже иметь наготове: образы Священной истории, вопросы веры и нравственности, просто благородную мечту в христианском духе. Святые отцы обыкновенно пользовались при этом краткими молитвами, чаще всего молитвой Иисусовой, чтобы отвлечь мысль от искушения. Иногда приводили на память тексты Священного Писания, направленные против соблазна и разбивающие его нашептывание.

В-третьих, вступайте в борьбу сразу, не медля ни минуты и не делая никаких уступок. Компромиссы обыкновенно ведут к поражению. Если вор начинает рассуждать приблизительно так: «В этом году я украду 10 000, в следующем — 5000, на третий год только 1000, а там совсем перестану воровать», — то можно наверняка сказать, что он останется вором. «Промедление бывает смерти подобно», — говорил Петр Великий о военной тактике. То же можно сказать и о духовной борьбе. Промедление здесь часто бывает равносильно духовной смерти.

Итак, чем раньше начинать борьбу, тем вернее победа. Чем скорее, тем лучше. Вступив в борьбу, нужно вести ее решительно, без колебаний. «Кто колеблется, тот пропал», — говорит английская пословица.

Отбросьте всякое саможаление и не делайте никаких уступок эгоизму. Уступки все равно не спасут, и этим путем мира с дьяволом не купишь. Наоборот: там, где он замечает слабость, там усиливает нападение. Сейчас же последуют новые искушения, еще более серьезные, которые потребуют новых уступок. Поэтому не успокаивайте себя обычным софизмом! «Что за беда, если я уступлю в пустяке! На серьезное я не пойду!» Пустяков в духовной борьбе нет, ибо они влекут обыкновенно за собой серьезные последствия.

Еще два совета: не играйте с искушениями, старайтесь избегать их и не подходите к ним

даже из любопытства. Тот, кто таскается по бульварам, ходит на вечеринки или на спектакли, слушает вольные беседы и непристойные анекдоты и воображает при этом, что сумеет сохранить чистоту мысли и сердца, тот глубоко заблуждается. Это все равно, что играть с огнем в пороховом погребе: взрыв может последовать каждую минуту. Наконец, пользуйтесь для укрепления воли в нужном направлении теми минутами перемирия, которые дает вам злая сила. Испытания не всегда обуревают человека непрерывной волной. В эти минуты нужно заранее готовиться к борьбе с ними путем молитвы, чтения и размышления. Плох тот солдат, который начнет учиться стрелять лишь на поле сражения. Он непременно будет побежден. Но альфа и омега борьбы все-таки в надежде на Господа Иисуса Христа. *Ибо нет другого имени под небом... о немже подобает спасаться нам* (Деян. 4, 12).

О покаянии в старости

Существует распространенное мнение, будто обращение к Богу возможно после самой беспутной жизни и в любой ее период. Поэтому расчетливые грешники в минуты редких угрызений совести иногда утешают себя таким соображением: «Поживем еще в свое удовольствие: ведь надо перебеситься! А под старость будем каяться и молиться! Господь простит!»

Такое соображение справедливо лишь условно. Хорошо, если, несмотря на все распутство жизни, человек сумеет сохранить в душе живую веру и любовь к Богу. Тогда спасение для него еще возможно. Но если, падая все ниже и ниже, он дойдет до того состояния, о котором Господь говорит: *Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. 6, 3), тогда возрождение для него возможно лишь как особое чудо милости Божией, на которое никто рассчитывать не вправе. Есть много людей, превратившихся почти в животных, для которых духовные переживания совершенно недоступны и которые потеряли всякую чувствительность к духовным влияниям. Это уже духовная смерть.

Во всяком случае, борьба с пороком и страстями после продолжительного коснения в них становится невероятно трудной. Дьявол и грех не так-то легко уступают свою жертву, и воспоминания бурного прошлого, дурные привычки, сожаления о потерянных наслаждениях еще долго волнуют и распаляют кровь, маня назад и нередко доводя до отчаяния. Нужно почти подвижничество, чтобы стереть с души эти грязные пятна прошлого. Но для подвижничества нужна сильная воля, а воля к этому времени обыкновенно уже расслаблена постоянными уступками пороку. К этому надо еще прибавить, что чем дольше находится человек в угаре грешной жизни, тем крепче он с нею

связывается и тем меньше становится его желание порвать с такой жизнью и начать новую, чистую, богоугодную. Вот почему те «мудрецы», которые рассчитывают на покаяние в старости, обыкновенно ошибаются и, дойдя до рокового порога, с ужасом видят, что душа безнадежно заражена пороком, воля расшатана, сил и желания начать новую жизнь нет и покаяние невозможно... Трагическая развязка неизбежна.

Великие дела

Как вообще совершаются великие дела в христианстве и как может проявиться в них участие человека? Великие дела!.. Кто о них не мечтал? Помните ли вы золотые грезы своей молодости? Как хотелось переделать весь мир, чтобы в нем не было более злобы и грязи, людских пороков, но царила бы лишь любовь и правда, яркая, как солнце! Как рвалась душа сделать что-нибудь большое, незабываемое, от чего светлее и счастливее стала бы жизнь! Иногда казалось это таким легким и возможным! Но годы шли. Вы вступили в настоящую жизнь, и суровая действительность встречала вас. Ее холодное дыхание сразу убеждало, что радужные мечты не так-то легко привести в исполнение. Ваши порывы везде встречали глухую стену неподвижности, насмешки, недоверия. Вы чувствовали, что эта стена сильнее вас... И меркла светлая мечта, блекли и осыпались лепестки ро-

зовой надежды. Холодный разум с язвительной и жестокой насмешкой шептал: «Не можешь! Не тебе переделать жизнь! Не по твоим силам эта задача! Брось смешные ребяческие мечты! Немало глупцов уже разбили себе лоб об эту стену!» И вы отступали. Сначала молодое, неискушенное сердце пыталось бунтовать, потом примирялось и мало-помалу свыкалось с ненормальностями жизни. И все входило в свою колею.

И теперь часто, когда встают перед нами великие задачи жизни, мы по привычке опускаем руки и безнадежно вздыхаем: «Что могу я?.. Я один?..» Один — да!.. Но вы забываете, что с вами Христос. *А я все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе*, — говорит апостол Павел (Флп. 4, 13). Надо лишь знать, при каких условиях даётся Его Божественная помощь, и уметь ею пользоваться. Конечно, первое обязательное условие каждого истинно великого дела состоит в том, чтобы оно имело христианскую цель и создавалось на христианских принципах. Всякая деятельность, как бы эффектна и грандиозна она ни была и каким бы видимым успехом ни сопровождалась, не может быть названа великой, если она преследует цели тщеславия, славолубия или выгоду отдельной личности.

Ни один человек, хотя бы он и был назван «великим» льстецами от истории, преклоняющимися перед грохотом и блеском его карьеры, в действительности не заслуживает этого на-

звания, если из обстоятельств и людей, его окружающих, он стремился сделать лишь пьедестал для своей персоны.

Сострадание и любовь — вот христианские мотивы всякого истинно великого дела. Величие каждой личности и каждого дела и измеряется тем, насколько сильно и полно проникнуты они этими мотивами. От этого же зависит в значительной степени и долговечность великого дела. То дело, цель которого удовлетворить мелкое самолюбие своего автора, никогда не бывает прочным и, несмотря на порой головокружительные успехи, скоро рассыпается, как ярко вспыхнувшая ракета, оставляя за собой лишь копоть и чад дымящейся гильзы. Но даже и в том случае, если человек руководится в своей деятельности по видимости альтруистическими мотивами, то есть заботой о ближних, но не берет для себя за основу Господа и Его учение, то обыкновенно его деятельность не создает истинного счастья для людей, влечет за собой множество разочарований и никогда не выдержит того страшного испытания, которое ожидает каждого человека и его дела на будущем Суде Божиим. Поистине *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11). Великие христианские цели требуют для своего осуществления и христианских средств. Христианство не знает принципа «цель оправдывает средства». Честные цели достигаются

только честными средствами, и если для осуществления высоких целей и великих планов человек допускает обман, ложь, насилие, то можно наверняка сказать, что ничего великого или просто хорошего из его деятельности не выйдет. Или он опозорит свое дело в глазах людей, когда откроется его обман и дело разрушится, как бы хорошо оно ни было по замыслу, или же его ложь родит лишь новую ложь, не заключающую в себе ничего высокого, и насилие вызовет лишь ответное насилие. Напрасно некоторые наивные христианские деятели думают, что для достижения высших духовных целей можно прибегнуть иногда к лукавой уловке, хитрости, «невинному обману», как его называют. В Божием деле это совершенно недопустимо. Заповеди Божией обязательны всегда и при всяких условиях, и если Господь ставит перед вами какую-либо задачу в общем порядке постройки Царства Божия, то это значит, что для выполнения этой задачи имеются и средства, согласные с Его заповедями, ибо требовать от человека противоречащей им деятельности Он не может. Не следует забывать слов премудрого Иисуса, сына Сирахова: *«Не говори: «ради Господа я отступил»; ...ибо Он не имеет надобности в муже грешном. Всякую мерзость Господь ненавидит, и неприятна она боящимся Его (Сир. 15, 11–13).*

Молитва и призывание благословения Божия — вот источник силы и главные средства

для выполнения великого дела в христианском духе.

Итак, если самолюбивые мечты туманят вам голову, если вы хотите быть блестящим героем на подмостках истории, в опьяняющей атмосфере преклонения раболепствующей толпы, то никогда ничего истинно великого вы не совершите. Выбросьте это из головы. Если даже вы и достигнете временного успеха, то все же сознание мелочности ваших целей постепенно будет выступать для вас все яснее, и радость успеха скоро померкнет перед горечью мысли, что свои силы и таланты вы растратили на пустяки. Только издали кажется, что за облаками успеха и славы кроется непременно нечто подлинно великое. Подойдя ближе и проверив на опыте, вы почти всегда найдете, что это не более как оптический обман. Беснадежны также и заранее обречены на более или менее скорый провал все попытки создать что-нибудь великое и долговечное, порвав всякие связи с Господом Иисусом Христом и Его Евангелием, ибо устройство Царства Божия, составляющее суть всего мирового процесса, совершается непосредственно силою Бога Слова по законам, изложенным в Евангелии, и потому перед вами всегда стоит альтернатива: или принять участие в этой постройке под руководством Господа и при свете Его учения, и тогда вы вносите долю своего труда в вечное будущее, или действовать самовольно, вразрез с этим Божиим

планом будущего устройства вселенной, и тогда ваши труды будут неизбежно стерты в пыль этим непреодолимым процессом созидания Царства Божия.

Итак, только то дело может быть великим и долговечным, которое двигает вперед постройку Царства Божия.

Ценность христианства

Господь никогда не обещал Своим ученикам земных благ, и не ради материальных выгод должно следовать за Ним. Счастье единения с Богом, любовь к Искупителю, святость и чистота души как плод добродетельной жизни, сообразной с Его заповедями, — вот те мотивы, которые должны действовать в христианине, определяя его решения. Христианство следует принять и любить ради него самого, а не ради посторонних наград и внешних выгод. Оно само по себе представляет ту драгоценную жемчужину из притчи, ради которой надо пожертвовать всем (см. Мф. 13, 46).

Василий (Преображенский),
епископ Кинешемский

Духовное восхождение

Избранные советы и наставления

*На обложке — фрагмент картины художника
Дмитрия Белюкина «Валаам. Райский сад»
(2017–2018).*

Составитель, редактор и корректор: *Т. Никитина*
Художник: *С. Федорова*
Верстка: *Е. Соболева*

Книжная торговля издательства
«Духовное преображение»:
www.Kniga-pravoslav.ru
Телефон: 8 (925) 863-41-90

Подписано в печать 15.12.20. Формат 84×108¹/₃₂.
Объем 4,0 п. л. Тираж 20 000 экз.
Печать офсетная.
Заказ №